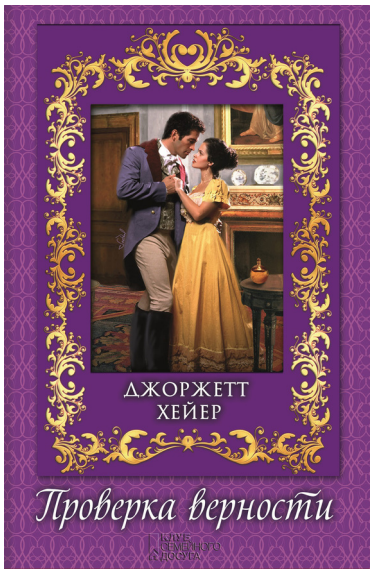
ДЖОРЖЕТТ
ХЕЙЕР
Проверка верности
КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Джоржетт Хейер

Проверка верности

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
1934

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Хейер Д.

Проверка верности / Д. Хейер — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1934

Вступив в брак с графом Рулом, очаровательная Горация помогла сестре, спасла семью от разорения и обеспечила себе беззаботную жизнь. И лишь встретив сэра Роберта, заклятого врага своего мужа, Горация понимает, что ее сердце принадлежит человеку, за которого она вышла замуж по расчету. Но сможет ли Горация заставить графа Рула полюбить ее? Ведь сэр Роберт старается испортить ее репутацию…

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

© Хейер Д., 1934
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1934

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 14
Глава 3 23
Глава 4 39
Глава 5 46
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Джоржетт Хейер
Проверка верности

Переведено по изданию:
Heyer G. The Convenient Marriage: A Novel / Georgette Heyer. – London: Arrow Books, 2005. – 288 p.

© Georgette Heyer, 1934
© Jon Paul, обложка, 2013
© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2013

Глава 1

Не получив доступа к леди Уинвуд, утренняя гостья с некоторым беспокойством осведомилась о мисс Уинвуд, имея в виду любую из молодых леди, носящих это имя. Ее ушей достигли некоторые пикантные слухи, и было бы крайне огорчительно, если бы ни одна из них не пожелала ее принять. Но привратник распахнул перед нею дверь, провозгласив, что мисс Уинвуд дома.

Приказав кучеру своего роскошного городского экипажа ждать, миссис Молфри вошла в сумрачный холл и коротко поинтересовалась:

– Где мисс Уинвуд? О моем приходе докладывать не обязательно, я сама найду дорогу.

Как оказалось, все молодые леди собрались в малой гостиной. Миссис Молфри кивнула и зашагала по коридору под цокот своих высоких каблуков. Пока она поднималась по лестнице, ее юбки из армозина[1], натянутые на очень большие *paniers à coudes*[2], с шуршанием задевали перила и балясины с обеих сторон. Уже не в первый раз она машинально отметила про себя, что лестница слишком узкая, да и ковер под ногами выглядит унылым и потертым. Ей, например, было бы неловко и стыдно за столь убогую обстановку, но она, хотя и называла себя кузиной, в глубине души признавала, что не принадлежит к семейству Уинвуд.

К малой гостиной, коей привратник именовал небольшую комнату в задней части особняка, предназначенную для молодых леди, вел один лестничный пролет, и эта гостиная была хорошо знакома миссис Молфри. Рукой в перчатке она постучала в одну из створок двери и вошла, не дожидаясь ответа.

Все три мисс Уинвуд собрались у окна, являя собой безыскусную и радующую глаз картину. На софе, обтянутой выцветшим желтым атласом, сидели старшая из мисс Уинвуд и средняя, мисс Шарлотта, обняв друг друга за талию. Сестры были очень похожи, правда, старшая мисс Уинвуд, по всеобщему мнению, отличалась куда большей красотой. Она сидела, обратив к двери классический профиль, но на стук миссис Молфри обернулась, продемонстрировав гостье мягкий взгляд голубых глаз и полные, изящно очерченные губы, удивленно приоткрытые и сложенные буквой «О». Ее лицо обрамлял каскад светлых кудрей, уложенных без пудры и перехваченных лишь голубой лентой, из которого выбивались несколько локонов, в продуманном беспорядке ниспадая на плечи.

Соседство с первой красавицей семейства не шло на пользу мисс Шарлотте, но, будучи урожденной Уинвуд, она тоже обладала знаменитым прямым носом и такими же голубыми глазами. Своими кудрями, не столь золотистыми, как у сестры, она была обязана горячим щипцам, да и глаза ее отливали куда менее сочной голубизной, а цвет лица можно было охарактеризовать как землистый. Тем не менее она считалась очень красивой девушкой.

А вот во внешности мисс Горации не было ничего, что свидетельствовало бы о ее происхождении, за исключением носа. Волосы у нее были темные, глаза – темно-серые, а брови, почти черные и густые, поражали практически идеальной прямотой, придавая лицу серьезное и даже хмурое выражение. И сделать их изогнутыми не было никакой возможности. Она была на полголовы ниже своих сестер и в возрасте семнадцати лет пришла к огорчительному заключению, что вряд ли станет выше.

---

[1] Разновидность очень плотного шелка или тафты, из которого шили женскую и мужскую одежду. Из черного армозина изготавливалась одежда для клерикалов. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

[2] *Дословно*: корзины для локтей (*фр.*). Это овальные или куполообразные каркасы из металлических прутьев или китового уса (наподобие корзин) использовались для поддержки широких юбок. Иногда на поясе к ним крепилась ватная подкладка/подушка, на которую женщина и могла опереться локтями.

Когда в комнату вошла миссис Молфри, Горация сидела на низенькой табуретке у софы, подперев подборок скрещенными руками и нахмурясь. «Но, – подумала миссис Молфри, – возможно, все дело в этих нелепых бровях».

Все три сестры надели украшенные вышивкой платья из муслина на небольших обручах, а талии перетянули поясами из шелкового газа. «Какие у них все-таки деревенские манеры», – сказала себе миссис Молфри, с удовлетворением приподняв свою шелковую мантию, отделанную бахромой.

– Мои дорогие! – вскричала она. – Я примчалась, едва только услышала новости! Скажите мне, это правда? Рул действительно сделал предложение?

Мисс Уинвуд, с изяществом и грациозностью поднявшись с места, дабы приветствовать свою кузину, выглядела осунувшейся и бледной.

– Да, – слабым голосом ответила она. – Увы, это правда, Тереза.

Миссис Молфри округлила глаза в благоговейном почтении.

– Ох Лиззи! – выдохнула она. – Рул! Графиня! Я слышала, что его доход составляет двадцать тысяч в год, но смею предположить, что он намного больше!

Мисс Шарлотта пододвинула ей стул, заметив с нотками упрека:

– Мы полагаем лорда Рула достойным всяческого доверия джентльменом. Хотя никто, – добавила она, нежно взяв руки сестры в свои, – каким бы благородным и воспитанным он ни был, не может быть достойным нашей дражайшей Лиззи!

– Господи, Шарлотта! – колко заявила миссис Молфри. – Рул – лучшая добыча на брачном рынке, и тебе прекрасно известно об этом. Это самые хорошие новости, которые я когда-либо слышала. Хотя, следует признать, Лиззи, ты вполне их заслуживаешь. Только подумай о брачном контракте!

– Думать в такую минуту о брачном контракте – бестактно, – возразила мисс Шарлотта. – Мама, вне всякого сомнения, уладит с Рулом этот вопрос, но не можешь же ты ожидать от Лиззи, чтобы она проявляла интерес к столь низменным вещам, как размеры состояния лорда Рула!

Младшая мисс Уинвуд, которая все это время продолжала сидеть, положив подбородок на скрещенные руки, внезапно подняла голову и произнесла сочным голоском, дрожавшим на грани заикания, одно-единственное сокрушительное слово:

– В#вздор!

На лице мисс Шарлотты появилась болезненная гримаска. Мисс Уинвуд выдавила бледную улыбку.

– Думаю, Хорри права, – печально промолвила она. – Это всего лишь состояние. – Она вновь опустилась на софу и отсутствующим взором уставилась в окно.

И тут миссис Молфри заметила, что ее большие голубые глаза полны слез.

– Лиззи, дорогая! – сказала она. – Можно подумать, тебе принесли черные вести, а не блестящее предложение!

– Тереза! – укоризненно проговорила мисс Шарлотта, обеими руками обнимая сестру. – О чем ты говоришь? Неужели ты могла забыть бедного мистера Херона?

Миссис Молфри начисто позабыла о мистере Хероне. Челюсть у нее слегка отвисла, но она тут же спохватилась и взяла себя в руки.

– Ах да. Разумеется. Мистер Херон, – сказала она. – Все это очень огорчительно, но… Рул, ты же понимаешь! Я не хочу сказать, что мистер Херон – недостойный человек, но он всего лишь лейтенант, дорогая моя Лиззи, и, наверное, его скоро отправят обратно на эту ужасную войну в Америку – об этом не следует забывать, любовь моя!

– Да, – сдавленным голосом сказала Элизабет. – Об этом не следует забывать.

Горация окинула вторую сестру оценивающим взглядом своих темных глаз.

– Думаю, было бы очень хорошо, если бы замуж за Р#рула вышла Шарлотта, – провозгласила она.

– Хорри! – ахнула Шарлотта.

– Боже, дорогая моя, какие ужасные вещи ты говоришь! – с негодованием заметила миссис Молфри. – Рул хочет жениться только на Элизабет.

Горация яростно помотала головой.

– Нет. Ему нужна всего лишь Уинвуд, – своим привычным напряженным голосом сказала она. – Все было договорено много лет назад. Не верю, что за это время он встречал Лиззи более полудюжины раз. Это не имеет значения.

Мисс Шарлотта отпустила руку сестры и дрожащим голосом произнесла:

– Ничто – *ничто на свете* – не заставит меня выйти замуж за лорда Рула, даже если он сделает мне предложение! Одна только мысль о супружестве приводит меня в содрогание. Я уже давно решила, что стану поддержкой и опорой для мамы. – Она глубоко вздохнула. – А если какой-нибудь джентльмен все же сумеет убедить меня задуматься о замужестве, то уверяю тебя, моя дорогая Хорри, он будет совсем не похож на лорда Рула!

Миссис Молфри верно истолковала это заявление.

– А мне нравятся худые мужчины, – заявила она. – А Рул к тому же еще и безумно красив!

– Думаю, – упрямо продолжала Горация, – что мама могла бы предложить Шарлотту.

Элизабет повернулась к ней:

– Ты не понимаешь, дорогая Хорри. Мама ни за что не совершила бы столь нелепый поступок.

– Моя тетя выдает тебя замуж против твоей воли, Лиззи? – приятно заинтригованная, осведомилась миссис Молфри.

– О нет-нет! – искренне ответила Элизабет. – Ты же знаешь мамину мягкость. Она само понимание, само сочувствие! И лишь мое осознание своего долга перед семьей заставляет меня сделать… столь разрушительный для моего счастья шаг.

– З#закладные, – загадочно обронила Горация.

– Пелхэм, полагаю? – понимающе осведомилась миссис Молфри.

– Разумеется, это Пелхэм, – с ноткой горечи откликнулась мисс Шарлотта. – Это он во всем виноват. Нам грозит полное разорение.

– Бедный Пелхэм! – со вздохом сказала Элизабет, имея в виду своего отсутствующего брата. – Боюсь, он слишком экстравагантен.

– Насколько я понимаю, речь идет о его игорных долгах, – предположила миссис Молфри. – Похоже, моя тетя думает, что даже ваше приданое… – Она благоразумно не договорила.

Элизабет покраснела, но Горация сказала:

– Нельзя во всем винить одного Пела. Это у нас в крови. Одна из нас должна выйти замуж за Рула. Лиззи – старшая и самая красивая, но Шарлотта тоже сгодится. А Лиззи помолвлена с мистером Хероном.

– Не помолвлена, милая, – негромко ответила Элизабет. – Мы всего лишь… надеялись, что, если он получит капитанский чин, мама даст нам свое согласие.

– Даже если это действительно случится, – возразила миссис Молфри с большой толикой здравого смысла, – то разве можно сравнивать, я тебя спрашиваю, лейтенанта обычного пехотного полка с графом Рулом? Насколько я слышала, состояние у молодого человека ничтожное, и кто купит ему чин?

Горация бестрепетно ответила:

– Эдвард г#говорил мне, что если ему повезет принять участие в еще одном бою, то у него может появиться шанс.

Мисс Уинвуд содрогнулась и поднесла ладонь к щеке.

– Не надо, Хорри! – взмолилась она.

– Это не имеет значения, – провозгласила миссис Молфри. – Знаю, ты скажешь, что у меня нет сердца, моя дорогая Лиззи, но так не пойдет. Как, например, вы будете жить на жалованье молодого человека? Все это очень печально, но только подумай, какое положение ты займешь и какие драгоценности станешь носить!

Похоже, подобная перспектива вызвала у мисс Уинвуд явное отвращение, но она ничего не сказала. Общее мнение всех трех сестер выразила Горация.

– Вульгарная! – сказала она. – Вот ты какая, и сама об этом знаешь, Тереза.

Миссис Молфри залилась краской и принялась бесцельно оправлять свои жесткие юбки.

– Разумеется, я знаю, что для Лиззи *это* ничего не значит, но вы же не станете отрицать, что ей предлагают блестящую партию. А как к этому относится моя тетя?

– С глубокой благодарностью, – сказала Шарлотта. – Как, собственно, должны относиться и все мы, учитывая те стесненные обстоятельства, в которых оказались по милости Пелхэма.

– А где сейчас Пелхэм? – пожелала узнать миссис Молфри.

– Мы не знаем точно, – ответила Элизабет, – но полагаем, что где-то в Риме. Бедный Пел не любит писать письма. Но я уверена, что совсем скоро мы получим от него весточку.

– Что ж, полагаю, ему в любом случае придется вернуться домой, чтобы присутствовать на твоей свадьбе, – сказала миссис Молфри. – Но Лиззи, дорогая, ты должна мне все рассказать! Рул уже признался тебе в своих чувствах? Я ни о чем таком не слышала, хотя, естественно, в курсе, что все было оговорено заранее. Но он был таким… – Она, очевидно, решила, что не стоит произносить вслух то, о чем она только что подумала, и оборвала себя на полуслове. – Но это к делу не относится, и, осмелюсь предположить, из него получится прекрасный муж. Ты уже дала ему ответ, Лиззи?

– Нет еще, – едва слышно прошептала Элизабет. – Я… я ни о чем не догадывалась, Тереза. Я встречалась с ним, разумеется. Он пригласил меня на первые два танца на моем дебютном балу в «Олмаксе»[3], когда Пелхэм был дома. Он был – как и всегда – само дружелюбие, но я и представить себе не могла, что он намерен просить моей руки. А вчера он ждал маму только для того, чтобы… чтобы испросить у нее разрешения признаться мне в своих чувствах. Ты должна понимать, что никакие объявления еще не были сделаны.

– Все в высшей степени пристойно и правильно! – восхитилась миссис Молфри. – Любовь моя, ты опять скажешь, что у меня нет сердца, но только вообрази – Рул изъясняется в своих чувствах! Я бы отдала за это свою правую руку, то есть отдала бы, – поправилась она, – если бы не вышла замуж за мистера Молфри. Как и, – добавила Тереза, – добрая половина всех молодых женщин в этом городе! Моя дорогая, ты не поверишь, какие попытки предпринимались заполучить его!

– Тереза, я должна, я просто обязана попросить тебя более не говорить столь ужасных и неприличных вещей! – вмешалась в разговор Шарлотта.

А вот Горация смотрела на свою кузину с большим интересом:

– Почему ты сказала: «…только вообрази – Рул объясняется в своих чувствах»? Я всегда считала его старым.

– Старым? – переспросила миссис Молфри. – Рул? Ничего подобного, моя дорогая! Готова поставить на кон свою репутацию, что ему ни на день больше тридцати пяти. А какой красавец! Какая обворожительная улыбка!

---

[3] Популярный клуб для встреч и приемов в Лондоне. Существовал с 1765 по 1871 год и стал первым заведением, обеспечившим равный доступ в него мужчин и женщин.

– А я называю его стариком, – спокойно заметила Горация. – Эдварду всего двадцать два.

После этого говорить им, похоже, было более не о чем. Миссис Молфри, сообразив, что вызнала у своих кузин все новости, которые те склонны были ей сообщить, уже стала подумывать о том, чтобы откланяться. Хотя она и жалела Элизабет, заметив отчаяние, которое вызвала в ней столь великолепная перспектива, понять его она не могла и сочла, что чем раньше лейтенант Херон отправится обратно в свой полк, тем будет лучше для всех. Поэтому, когда отворилась дверь, впуская скромную женщину неопределенного возраста, которая с придыханием в голосе сообщила Элизабет, что внизу стоит мистер Херон и умоляет ее уделить ему малую толику своего времени, она поджала губы и постаралась изобразить на лице все неодобрение, на какое была способна.

У Элизабет на щеках расцвел жаркий румянец, но она поднялась с софы и негромко сказала:

– Благодарю вас, Лэйни.

Казалось, мисс Лэйни разделяет – хотя бы отчасти – то неодобрение, что испытывала миссис Молфри. Она с осуждением взглянула на Элизабет и предположила:

– Моя дорогая мисс Уинвуд, вы полагаете, вам следует видеться с ним? И вы думаете, что вашей маме это понравится?

Элизабет же ответила со свойственным ей мягким достоинством:

– У меня имеется разрешение мамы, дорогая Лэйни, чтобы… чтобы сообщить мистеру Херону о предстоящих переменах в моем положении. Тереза, полагаю, ты не станешь говорить о любезном предложении лорда Рула до тех пор, пока… пока не будет сделано официальное объявление.

– Слишком уж она благородна! – вздохнула Шарлотта, когда дверь мягко закрылась за мисс Уинвуд. – И как горько думать о страданиях, выпадающих на долю нас, женщин!

– Эдвард тоже не избежал их, – заметила практичная Горация. Устремив свой пронзительный взгляд на тетку, она добавила: – Тереза, если ты р#разболтаешь хоть слово, тебе придется пожалеть об этом. Что-то со всем этим нужно д#делать.

– Что же здесь можно сделать, если милая Лиззи уже готова принести себя в жертву? – мертвым голосом поинтересовалась Шарлотта.

– Страдания! Жертва! – не выдержала миссис Молфри. – Господи, да вас послушать, так Рул не человек, а людоед какой-то! Ты окончательно лишила меня терпения, Шарлотта. Городской особняк на Гросвенор-сквер[4], а в Миринге[5] – поместье, по слухам, просто потрясающее, с парком на семь миль в окружности и тремя роскошными воротами!

– Она займет высокое положение, – по-прежнему с придыханием согласилась маленькая гувернантка. – Но разве кто-нибудь подходит для него лучше, чем дорогая мисс Уинвуд? Мне всегда казалось, что она самой судьбой предназначена для такого.

– Фу! – презрительно фыркнула Горация и щелкнула пальцами. – Вот что я говорю о высоком п#положении Рула!

– Мисс Горация, умоляю вас, избавьте нас от неприличных жестов!

Шарлотта пришла сестре на помощь:

– Ты не должна щелкать пальцами, Хорри, но ты, в общем-то, права. Лорду Рулу очень повезло, что он заполучил в невесты представительницу семейства Уинвуд!

Тем временем мисс Уинвуд, приостановившись на лестнице лишь на мгновение, чтобы подавить волнение, вызванное известием о прибытии мистера Херона, спустилась в библио-

[4] Большая площадь в центральной части Лондона; в наше время на ней находятся дипломатические представительства некоторых стран, в том числе здание американского посольства.

[5] Небольшой административный район церковного прихода Ньюарк и Шервуд в графстве Ноттигемшир.

теку, расположенную на первом этаже здания. Здесь ее поджидал молодой человек в состоянии еще большего нервного возбуждения, чем ее собственное.

Мистер Эдвард Херон, лейтенант Десятого пехотного полка, расквартированного в Америке, был временно откомандирован обратно в Англию и приписан к Вербовочной службе. Он был ранен в битве при Банкер-Хилле[6] и вскоре после этого отправлен на родину, поскольку полученная им рана оказалась достаточно серьезной, чтобы избавить его – по крайней мере, на время – от участия в сражениях за границей. После выздоровления, к его большому сожалению, мистера Херона оставили отбывать службу в метрополии.

Его знакомство с мисс Уинвуд было давним. Младший сын деревенского эсквайра, поместья коего граничили с владениями виконта Уинвуда, он был знаком всем трем мисс Уинвуд чуть ли не с момента своего появления на свет. Родом он происходил из благородной, но обедневшей семьи и, обладай он бóльшим состоянием, мог бы считаться подходящей, пусть и не самой желанной, партией для Элизабет.

Когда мисс Уинвуд вошла в комнату, он поднялся со своего места у окна и бросился к ней с тревожно-вопросительным выражением лица. Это был красивый молодой человек, в своей ярко-алой военной форме он выглядел весьма представительно: высокий, с широкими плечами и открытым, приятным лицом, все еще бледным от перенесенных страданий. Левую руку он держал чуть на отлете и пользовался ею с некоторым трудом, но уверял, что прекрасно себя чувствует и готов вернуться в полк.

Одного взгляда на лицо мисс Уинвуд ему хватило, чтобы понять: тревога, вызванная ее краткой запиской, не была ложной. Крепко сжав ее руки в своих, он взволнованно воскликнул:

– Что случилось, Элизабет?! Что-то ужасное?

Губы у девушки задрожали. Она отняла у него руки и оперлась одной о спинку стула.

– О Эдвард, самое худшее, – прошептала она.

Он побледнел еще больше:

– Твоя записка встревожила меня. Господи милосердный, что же все-таки случилось?

Мисс Уинвуд прижала платочек ко рту.

– Вчера к маме приходил лорд Рул и они беседовали – в этой самой комнате. – Она умоляюще взглянула на него. – Эдвард, все кончено. Рул приходил просить моей руки.

В полутемной комнате воцарилась мертвая тишина. Мисс Уинвуд, склонив голову, стояла перед мистером Хероном, слегка опираясь на спинку стула.

Мистер Херон не пошевелился, но все-таки нашел в себе силы хрипло спросить:

– И ты сказала… – Но это был не вопрос; он проговорил эти слова механически, зная, что она могла ответить.

Она безнадежно всплеснула руками:

– Что я могу сказать? Ты прекрасно знаешь, как обстоят наши дела.

Он отступил от нее на шаг и принялся расхаживать по комнате.

– Рул! – произнес он наконец. – Он очень богат?

– Очень, – безутешно ответила она.

Слова теснились у мистера Херона в горле, жгучие, злые и страстные, но он не мог произнести ни одного из них. Жизнь нанесла ему самый жестокий удар, и он мог лишь пробормотать голосом, настолько тусклым, что даже ему самому он показался чужим:

– Понимаю. – Он вдруг заметил, что Элизабет молча плачет, подбежал к ней, взял ее за руки и увлек к софе. – Любовь моя, не плачь! – надтреснутым, срывающимся голосом

---

[6] Крупное сражение между английскими и американскими войсками, разыгравшееся на холмах Банкер-Хилл и Бридс-Хилл в предместьях Бостона 17 июня 1775 года во время Войны за независимость США. Англичане одержали победу, потеряв при этом вдвое больше людей.

произнес он. – Быть может, еще не слишком поздно: мы можем, мы должны придумать что-нибудь!

Но Эдвард и сам не верил своим словам, потому что знал, что ему нечего было противопоставить состоянию Рула. Он обхватил Элизабет руками и прижался щекой к ее локонам, а слезы девушки падали на его ярко-алый мундир.

Спустя некоторое время она отпрянула.

– Я делаю несчастным и тебя, – прошептала она.

При этих словах молодой человек опустился на колени и спрятал лицо в ее ладонях. Она не сделала попытки убрать их, но сказала:

– Мама была очень добра. Я получила разрешение рассказать тебе обо всем сама. Это… это должно стать нашим прощанием, Эдвард. У меня не хватит сил продолжать и дальше видеться с тобой. О, быть может, это неправильно – сказать тебе, что ты навсегда останешься в моем сердце… навсегда!

– Я не могу позволить тебе уйти! – страстно вскричал он. – Все наши надежды… наши планы… Элизабет, Элизабет!

Она ничего не ответила, и вскоре он поднял голову, раскрасневшийся и осунувшийся.

– Что я могу сделать? Неужели ничего?

Девушка жестом показала ему на место на софе рядом с собой.

– Ты думаешь, я не пыталась что-либо придумать? – печально спросила она. – Увы, мы и сами всегда знали, что все наши планы – лишь мечты, осуществить которые невозможно.

Он вновь присел, уперся локтями в колени и стал смотреть на носки своих сапог.

– Это все твой брат, – сказал он. – Долги.

Она кивнула:

– Мама рассказала мне многое из того, о чем я не знала. Все куда хуже, чем я представляла. Имущество заложено и перезаложено, а ведь надо думать еще и о Шарлотте с Горацией. За один вечер в Париже Пелхэм проиграл пять тысяч гиней.

– Неужели Пелхэм никогда не выигрывает? – с отчаянием в голосе пожелал узнать мистер Херон.

– Не знаю, – ответила она. – Он говорит, что ему ужасно не везет.

Он поднял голову:

– Элизабет, прости меня, если тебе больно это слышать, но приносить себя в жертву бездумному, эгоистичному Пелхэму…

– О, тише! – взмолилась она. – Ты же знаешь о роковой склонности в характере Уинвудов. Пелхэм ничего не может с этим поделать. Как и мой отец! Когда Пелхэм вступил в права наследования, то обнаружил, что наследовать уже нечего. Мама все это мне объяснила. Ей очень жаль, Эдвард. Мы плакали с нею вдвоем. Но она полагает, и я не могу с нею не согласиться, что мой долг перед семьей состоит в том, чтобы принять предложение лорда Рула.

– Рул! – с горечью вскричал Херон. – Он на пятнадцать лет старше тебя! Мужчина, достойный своей репутации. Ему достаточно было лишь швырнуть перчатку к твоим ногам, и ты… О боже, мне невыносима одна только мысль об этом! – Он взъерошил свои напомаженные кудри, приведя их в совершеннейший беспорядок. – Ну почему он остановил свой выбор на тебе? – простонал молодой человек. – Разве мало ему других?

– Думаю, – неуверенно сказала девушка, – он ищет союза с нашей семьей. Говорят, он очень горд, и наше имя… тоже очень гордое. – Поколебавшись, она добавила, краснея: – Это будет брак по расчету, какие сейчас в моде во Франции. Лорд Рул не станет… делать вид, будто любит меня, как и я его. – Элизабет подняла голову, когда золотые часы на каминной полке отбили удар. – А теперь я должна проститься с тобой, – с ужасающим спокойствием

сказала она. – Я обещала маме – всего полчаса. Эдвард… – И вдруг она прижалась к нему и обняла. – Любовь моя, помни меня! – всхлипывая, пролепетала она.

Три минуты спустя дверь библиотеки с грохотом захлопнулась за мистером Хероном, шагающим по холлу к выходу. Волосы его были всклокочены, а перчатки и треуголку он сжимал в руке.

– Эдвард! – донесся с верхней площадки лестницы встревоженный шепот.

Он поднял голову, позабыв о том, как дико выглядит.

Самая младшая из мисс Уинвуд перегнулась через перила, приложив к губам пальчик:

– Эдвард, п#поднимись! Я должна поговорить с тобой!

Он заколебался, но повелительный жест Горации заставил его подойти к подножию лестницы.

– В чем дело? – коротко бросил он.

– П#поднимайся! – нетерпеливо повторила Горация.

Он медленно поднялся по лестнице. Его схватили за руку и втянули в большую гостиную, окна которой выходили на улицу.

Горация заперла дверь.

– Г#говори потише! За стеной – спальня мамы. Что она сказала?

– Я не видел леди Уинвуд, – с тяжелым вздохом ответил мистер Херон.

– Глупец! Л#Лиззи!

Сдавленным голосом он ответил:

– Она попрощалась.

– Этого не будет! – решительно заявила Горация. – П#послушай, Эдвард! У меня есть п#план!

Он взглянул на нее сверху вниз, и в глазах у него затеплился огонек надежды.

– Я сделаю все, что угодно! – сказал он. – Я весь внимание!

– Тебе ничего не придется делать, – заявила Горация. – Я в#все сделаю сама!

– Ты? – с сомнением протянул он. – Но что ты можешь сделать?

– Еще н#не знаю, но обязательно п#попробую. Имей в виду, я вовсе не уверена в том, что у меня все получится, но очень н#надеюсь на это!

– Но в чем состоит твой план? – настаивал он.

– Не скажу. Я рассказала тебе о нем только потому, что ты выглядел очень ж#жалко. Доверься мне, Эдвард.

– Уже верю, но…

Горация подтащила его к зеркалу над каминной полкой.

– Тогда приведи себя в порядок, – строго сказала она. – Т#ты только посмотри на себя. И треуголку свою ты всю скомкал. Вот так-то лучше! А т#теперь иди, Эдвард, пока мама не услышала тебя.

Мистер Херон обнаружил, что его выталкивают за дверь. Он обернулся и схватил Горацию за руку:

– Хорри, не знаю, что ты можешь сделать, но если ты сумеешь уберечь Элизабет от этого брака…

На щеках у девушки появились две чудесные ямочки, а в серых глазах мелькнула улыбка.

– Знаю. Ты б#будешь м#моим самым покорным слугой. Ладно, согласна!

– Это я согласен на все! – с жаром выпалил он.

– Тише, мама услышит! – прошептала Горация и вытолкала его из комнаты.

Глава 2

Родственники считали, что мистеру Арнольду Гисборну, недавнему выпускнику Куинз-колледжа[7] в Кембридже, очень повезло в том, что он сумел заполучить место секретаря при графе Руле. Сам он тоже был доволен этим, хотя и не совсем: работа в благородном доме была заметной ступенькой на пути к карьере общественного деятеля, но, будучи серьезным молодым человеком, он предпочел бы службу, более тесно связанную с государственными делами. Милорд Рул, когда его удавалось уговорить, время от времени появлялся на своем месте в Верхней палате[8], подавая свой приятный, с ленцой голос в поддержку какого-либо запроса или предложения, но министерской должности у него не имелось, и он не выражал ни малейшего желания заниматься политикой. Если Рулу предстояло выступление, мистер Гисборн получал просьбу подготовить речь, что досточтимый секретарь проделывал с энергией и энтузиазмом, мысленно вслушиваясь в слова, которые проговаривал в своем воображении собственным бодрым голосом. Милорд проглядывал стопку листов, исписанных четким почерком секретаря, и ронял:

– Превосходно, мой дорогой Арнольд, просто превосходно. Но не совсем в моем стиле, вы не находите? – И мистер Гисборн с сожалением наблюдал за тем, как ухоженная рука его светлости вычеркивает пером наиболее удачные пассажи.

Милорд же, прекрасно зная об этой скорби, поднимал голову и произносил с одной из своих редких очаровательных улыбок:

– Сочувствую вам, Арнольд, поверьте, очень сочувствую. Но я претенциозный хлыщ, как вам, должно быть, известно. Лорды будут повергнуты в шок, если услышат, как я тут ударился в сантименты. А это уже никуда не годится.

– Милорд, будет ли мне дозволено сказать, что вам нравится, когда вас считают претенциозным хлыщом? – со строгостью, смягченной уважением, спросил мистер Гисборн.

– Разумеется, Арнольд. Можете говорить все, что вам заблагорассудится, – дружелюбно ответствовал его светлость.

Несмотря на разрешение, мистер Гисборн ничего не добавил. Это было бы напрасной тратой времени. Милорд мог запросто осадить кого угодно, сохраняя при этом выражение легкого изумления в своих утомленных серых глазах, и самым что ни на есть благовоспитанным образом. Мистер Гисборн удовлетворялся тем, что представлял себе собственное будущее, содержа дела своего патрона в безукоризненном порядке. Он не одобрял образа жизни графа, поскольку сам был сыном настоятеля собора и воспитывался в строгости. Тот же факт, что милорд предпочитал занимать себя такими порочными образчиками женской красоты, как оперная певичка La Franciola или некая леди Мэссей, вызывали у него неодобрение, поначалу смешанное с презрением, которое потом, после двенадцати месяцев службы у милорда секретарем, сменилось сожалением.

Впервые увидев графа, он и представить себе не мог, что сможет когда-либо не то что любить, а хотя бы терпеть этого ленивого, неуловимо насмешливого денди, но в конце концов оказалось, что он без труда способен и на то, и на другое. Уже к концу первого месяца он обнаружил, что украшенные кружевами, надушенные наряды его светлости скрывают чрезвычайно сильное и физически развитое тело, а его ленивый взгляд из-под тяжелых век может стать столь же острым, сколь и неафиширующий себя ум.

---

[7] Куинз-колледж (Кембриджского университета) был основан в 1448 году Маргаритой Анжуйской, супругой короля Генриха VI.

[8] Палата лордов в парламенте Великобритании.

Вот так он и пал жертвой обаяния милорда, научившись принимать его капризы если не с одобрением, то, по крайней мере, с терпимостью.

Но намерение графа стать женатым человеком застало его врасплох. Он и не подозревал о наличии у своего патрона таких устремлений до тех пор, пока два дня назад его светлость не нанес визит леди Уинвуд на Саут-стрит. И вот, когда он сидел за своим столом в библиотеке, туда после позднего завтрака небрежной походкой вошел Рул и, завидев в руке своего верного секретаря перо, пожаловался:

– Вы всегда так чертовски заняты, Арнольд. Неужели я нагружаю вас таким количеством работы?

Мистер Гисборн поднялся со своего места за столом:

– Вовсе нет, сэр. Скорее, ее недостаточно.

– Вы ненасытны, мой дорогой мальчик. – Заметив пачку бумаг в руках мистера Гисборна, милорд вздохнул. – Что теперь? – с отвращением осведомился он.

– Я полагал, сэр, что вы захотите взглянуть на эти отчеты из Миринга, – предположил мистер Гисборн.

– Ни в малейшей степени, – ответствовал его светлость, прислонясь широким плечом к камину.

– Очень хорошо, сэр. – Мистер Гисборн отложил бумаги в сторону и неуверенно продолжил: – Вы не забыли, что сегодня в парламенте состоятся дебаты, в которых вы примете участие?

Казалось, его светлость не обратил на эти слова никакого внимания: он с сосредоточенным видом созерцал в монокль, подвешенный на длинной ленте, один из своих ботфортов (поскольку был одет для верховой езды), но уже в следующий миг с легким изумлением поинтересовался:

– В которых я приму что, Арнольд?

– Я побеспокоился о том, чтобы вы приняли участие в них, милорд, – сказал ему мистер Гисборн, защищаясь.

– Боюсь, вы перебрали накануне, дорогой мой. А теперь скажите-ка, не обманывают ли меня глаза: на лодыжке появился первый намек – совсем ничтожный – на то, что, боюсь, называется провисанием?

Мистер Гисборн весьма поверхностно оглядел сверкающий ботфорт его светлости.

– Ничего не вижу, сэр.

– Ну же, Арнольд, перестаньте! – мягко сказал граф. – Уделите мне толику своего внимания, умоляю вас!

Мистер Гисборн уловил насмешку в глазах милорда и невольно улыбнулся.

– Сэр, я полагаю, вам следует пойти. Дело важное! В Нижней палате…[9]

– Иногда я испытываю легкое неудобство, – задумчиво пробормотал граф, по-прежнему разглядывая собственную ногу. – Решено: придется вновь менять сапожника. – Он выпустил из рук монокль, закачавшийся на ленте, и повернулся, чтобы теперь обозреть в зеркале свой шейный платок. – Кстати! Напомните мне, Арнольд, что в три пополудни я должен быть у леди Уинвуд. Это довольно важно.

На лице мистера Арнольда не дрогнул ни один мускул.

– Слушаюсь, сэр!

– Да, довольно важно. Думаю, подойдет новый наряд – двубортный сюртук красновато-коричневого цвета. Не слишком мрачно для такого случая? Знаете, голубой бархат кажется мне более подходящим. И парик «лисий хвост»?[10] Помню, вы предпочитаете

[9] Палата общин в парламенте Великобритании.

[10] Парик в виде ровных волн, завитых рядами при помощи горячей завивки или холодной укладки. Волосы на этих пари-

catogan[11], но вы ошибаетесь, мой дорогой мальчик, несомненно ошибаетесь. Волосы, уложенные волнами спереди, придают ощущение тяжести. А я уверен, вам бы не хотелось, чтобы я выглядел тяжеловесно. – И он щелчком встряхнул пену кружев у себя на запястье. – Кстати, я ведь ничего вам не сообщил, не так ли? Так вот, Арнольд, знайте, что я рассматриваю возможность сочетаться браком.

Мистер Гисборн застыл как громом пораженный.

– Вы, сэр? – тупо переспросил он.

– А почему бы и нет? – осведомился его светлость. – Или у вас имеются возражения?

– Возражения, сэр? У меня? Я всего лишь удивлен.

– Моя сестра, – счел своим долгом пояснить его светлость, – считает, что мне пора обзавестись супругой.

Мистер Гисборн питал большое уважение к сестре графа, но ему еще предстояло уяснить, что наконец хоть какой-то из ее советов был принят им во внимание.

– Действительно, сэр, – сказал он и неуверенно добавил: – Это мисс Уинвуд?

– Мисс Уинвуд, – милостиво согласился граф. – Теперь вы понимаете, почему так важно, чтобы я не забыл явиться на Саут-стрит к… я сказал к трем часам?

– Непременно напомню вам об этом, сэр, – сухо откликнулся мистер Гисборн.

Дверь отворилась, и вошел привратник в голубой ливрее.

– Милорд, вас желает видеть дама, – неуверенно произнес он.

Мистер Гисборн обернулся и уставился на слугу с немым удивлением, потому что, сколь бы обширны ни были способы развлечения Рула, его *inamoratas*[12] никогда не навещали его на Гросвенор-сквер.

Граф приподнял брови:

– Боюсь, очень боюсь, что вы – как бы это сказать деликатнее? – совершили маленькую глупость, друг мой. Но, быть может, вы все-таки ответили, что меня нет дома?

На лакея жалко было смотреть, но он собрался с духом и выпалил:

– Дама поручила мне передать вашей светлости, что мисс Уинвуд просит уделить ей несколько минут вашего времени.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Мистер Гисборн с некоторым трудом сдержал уже готовое сорваться с губ восклицание, а сейчас старательно делал вид, будто приводит в порядок бумаги на столе.

Глаза его светлости, совсем недавно, к вящему ужасу привратника, напоминавшие узкие бойницы, вновь стали пустыми и невыразительными.

– Вот как! – заметил он. – И где же сейчас находится мисс Уинвуд?

– В малой гостиной, милорд.

– Очень хорошо, – произнес его светлость. – Вы можете идти.

Лакей поклонился и вышел. Милорд вперил задумчивый взгляд в профиль мистера Гисборна.

– Арнольд, – негромко окликнул он его.

Мистер Гисборн поднял голову.

– Вы умеете молчать, Арнольд? – осведомился его светлость.

Почтенный секретарь, не дрогнув, встретил его взгляд.

– Да, сэр. Разумеется.

ках подстригали неодинаково: над ушами укладывали несколько валиков, а с затылка опускалась самая длинная и закрученная спиралью прядь – «лисий хвост» – с лентой ниже затылка.

[11] Волосы укладывали валиками от одного виска к другому поперек головы, а длинную затылочную прядь подвязывали лентой. Название происходит от французского *catogan* – лента для подвязывания волос на затылке.

[12] Возлюбленные, любовницы (*итал.*).

– Я никогда в вас не сомневался, – заметил граф. – Быть может, вы даже иногда страдаете глухотой?

Уголки губ мистера Гисборна дрогнули.

– Иногда случаются приступы полной глухоты, сэр.

– Можно было и не спрашивать, – отозвался граф. – Вы – король секретарей, дорогой мой.

– Вы очень любезны, сэр. Но вам действительно можно было не спрашивать.

– Мне очень неловко за свою бестактность, – пробормотал его светлость и вышел.

Он пересек широкий, выложенный мраморными плитами холл, мимоходом отметив, что на краешке прямого стула сидит молодая женщина, явно служанка, испуганно сжимая в руках ридикюль. Выходит, мисс Уинвуд пожаловала к нему с соблюдением некоторых правил приличия.

Один из лакеев поспешно распахнул перед ним массивную дверь красного дерева, и милорд вошел в малую гостиную.

Спиной к двери стояла дама, совсем не такая высокая, как он ожидал, и, похоже, рассматривала картину маслом, висевшую на дальней стене. На звук его шагов она быстро обернулась, продемонстрировав ему лицо, явно не принадлежащее мисс Уинвуд. Он замер на мгновение, с некоторым удивлением глядя на нее.

На лице под соломенной шляпкой, в свою очередь, тоже отразилось изумление.

– Вы и есть л#лорд Р#Рул? – осведомилась дама.

Удивление перешло в изумление.

– До сих пор я полагал себя таковым, – ответил он.

– А я#то д#думала, что вы старик! – бесхитростно сообщила ему незнакомка.

– Это, – заявил его светлость, старательно сохраняя на лице прежнюю серьезность, – было очень нелюбезно с вашей стороны. Вы пожаловали ко мне, дабы… э#э… удовлетворить свое любопытство относительно моей внешности?

Дама залилась жарким румянцем до корней волос.

– П#простите м#меня! – ужасно заикаясь, взмолилась она. – С м#моей с#стороны это б#было очень г#грубо, но, к#как в#вы с#сами в#видели, р#растерялась я лишь на м#мгновение.

– Если вы, мадемуазель, и впрямь растерялись, то мне остается лишь почувствовать себя глубоко польщенным, – заявил граф. – Но если вы пришли не для того, чтобы взглянуть на меня, то, быть может, сумеете сообщить мне, чем я могу служить вам?

Блестящие, ясные глаза девушки решительно уставились на него.

– Р#разумеется, вы не знаете, кто я такая, – сообщила незваная гостья. – Б#боюсь, мне пришлось прибегнуть к невинному обману. Я опасалась, что вы, поняв, что я не Л#Лиззи, не примете меня. Но в том, что я назвалась м#мисс Уинвуд, никакой лжи нет, – взволнованно добавила она. – Потому что я т#тоже Уинвуд. Меня зовут Хорри Уинвуд.

– Хорри? – повторил он.

– Горация, – пояснила девушка. – Ужасное имя, не правда ли? Меня назвали так в ч#честь мистера Уолпола[13]. Он мой крестный.

– Прекрасно, – заметил его светлость. – Простите мне мое слабоумие, но – вы не поверите! – я до сих пор пребываю в полном неведении.

Горация поспешно отвела глаза.

– Все… остальное объяснить вам не так-то легко, – призналась она. – Полагаю, вы ужасно шокированы. Но я привела с собой с#служанку, сэр.

[13] Гораций Уолпол, четвертый граф Орфорд (1717–1797) – английский писатель, основатель жанра готического романа.

– Что ж, от этого положение становится куда менее шокирующим, – одобрительно заметил его светлость. – Но не будет ли вам легче объяснить мне этот ужасно запутанный вопрос, если вы присядете? Позвольте принять у вас накидку.

– Б#благодарю вас, – сказала Горация, сбрасывая ее с плеч, и одарила хозяина дружелюбной улыбкой. – Впрочем, на самом д#деле все не так трудно, как я думала поначалу. Но перед т#тем, как вы вошли, я совсем пала духом. Понимаете, моя мать даже не п#подозревает о том, что я здесь. Но ничего иного я придумать не смогла. – Она сцепила руки и сделала глубокий вздох. – Все из#за Л#Лиззи – моей сестры. Вы сделали ей предложение, верно?

Застигнутый врасплох, граф поклонился, а Горация поспешно выпалила:

– Н#не могли бы вы… вы не очень в#возражали бы против того… чтобы ж#жениться на мне?

Граф сидел в кресле напротив, рассеянно помахивая моноклем, и с выражением вежливой скуки смотрел на нее. Но вдруг монокль перестал вращаться и упал. Горация, с тревогой глядевшая на него, заметила в его глазах ошеломленное недовольство и поспешила пояснить:

– Р#разумеется, я понимаю, что это должна быть Шарлотта, поскольку она – средняя, но она заявила, что ничто на свете не заставит ее в#выйти за вас.

Уголки его губ дрогнули.

– В таком случае, – заметил он, – мне очень повезло, что я не искал руки мисс Шарлотты в браке.

– Да, – согласилась Горация. – Мне очень жаль говорить такие вещи, но, как мне представляется, Шарлотта п#приходит в ужас от того, чтобы п#пойти на такую жертву даже ради Л#Лиззи.

Плечи его светлости вздрогнули.

– Я с#сказала что-нибудь н#не то? – с сомнением осведомилась Горация.

– Напротив, – ответил он. – Беседа с вами действует на меня самым благотворным образом, мисс Уинвуд.

– Вы смеетесь надо мной, – обвиняющим тоном заявила Горация. – Осмелюсь п#предположить, что вы полагаете меня г#глупой, сэр, хотя д#дело очень серьезное.

– Я думаю, вы восхитительны, – сказал Рул. – Но, очевидно, здесь происходит какое-то недоразумение: у меня сложилось впечатление, что мисс Уинвуд была… э#э… склонна принять мои ухаживания.

– Да, – согласилась Горация. – Она склонна, разумеется, но это делает ее глубоко несчастной. В#вот почему я и пришла. Надеюсь, вы не в#возражаете.

– Ничуть, – сказал его светлость. – Но могу ли я узнать: перед всеми ли членами вашей семьи я предстаю в столь невыгодном свете?

– О нет! – пылко вскричала Горация. – М#мама чрезвычайно вами довольна, да и я сама не нахожу вас ни в малейшей степени неприятным. А если в#вы еще согласитесь сделать предложение м#мне вместо Лиззи, я вообще полюблю вас.

– Но почему, – спросил граф, – вы хотите, чтобы я сделал предложение вам?

Брови Горации сошлись в одну линию над переносицей.

– Мне все это представляется весьма странным, – призналась она. – Видите ли, Лиззи должна в#выйти за Эдварда Херона. Вероятно, вы его не знаете?

– Полагаю, что не имею такого удовольствия, – ответил граф.

– С#словом, он наш старинный и добрый друг и очень любит Л#Лиззи. Вот только вам наверняка известно, как это бывает с младшими сыновьями, а бедный Эдвард еще даже не стал капитаном.

– Должен ли я понимать вас так, что мистер Херон служит в армии? – осведомился его светлость.

– О да, в Десятом пехотном полку. И, не с#сделай вы предложение Л#Лиззи, я уверена, что м#мама в конце концов дала бы согласие на их брак.

– Достойно сожаления с моей стороны, – мужественно признал граф. – Но, по крайней мере, я могу исправить ошибку.

Горация с нетерпением воскликнула:

– Значит, вы женитесь на м#мне?

– Нет, – со слабой улыбкой ответил Рул. – Я этого не сделаю. Но не стану жениться и на вашей сестре. Не стоит предлагать мне замену, мое бедное дитя.

– С#стоит! – с горячностью вскричала Горация. – Одна из н#нас обязательно должна в#выйти за вас!

Несколько мгновений граф молча смотрел на нее, а затем в своей небрежно-изящной манере поднялся на ноги и оперся о спинку кресла.

– Полагаю, вы должны объяснить мне все, – сказал он наконец. – Похоже, сегодня утром я глупее обыкновенного.

Горация нахмурилась, отчего брови вновь сошлись у нее на переносице.

– Что ж, я п#попытаюсь, – сказала она. – Понимаете, мы ужасающе бедны. Шарлотта говорит, что во всем виноват П#Пелхэм, и я склонна согласиться с нею, но его винить бесполезно, п#потому что он ничего не может с собой поделать. Азартные игры! Вы играете?

– Иногда, – ответил его светлость.

Серые глаза сверкнули.

– Я тоже, – неожиданно провозгласила она. – Н#не по-настоящему, разумеется, а с Пелхэмом. Он научил меня. Шарлотта говорит, что это неправильно. Понимаете, она т#такая, она очень р#резка с бедным П#Пелом. Д#должна признать, что сегодня и я была резка на его счет, особенно когда поняла, что придется пожертвовать Лиззи. Маме тоже очень жаль, н#но она г#говорит, что мы все должны б#быть благодарны. – Горация покраснела и неожиданно резко добавила: – Это вульгарно – обсуждать брачный договор, но вы ведь очень богаты, верно?

– Очень, – невозмутимо согласился его светлость.

– Да, – кивнула Горация. – Т#теперь п#понимаете?

– Понимаю, – согласился граф. – И теперь этим жертвенным агнцем должны стать вы?

Она застенчиво взглянула на него:

– Для в#вас ведь н#нет никакой разницы, не так ли? Разве что я не такая красавица, как Л#Лиззи. Зато у меня есть фамильный нос, сэр.

Граф внимательно осмотрел вышеозначенный объект.

– Вне всякого сомнения, он у вас имеется, – подтвердил он.

Очевидно, Горация одним махом решила признаться во всех своих недостатках:

– Б#быть может, вы сможете привыкнуть и к моим бровям?

В глазах у графа заплясали смешинки.

– Думаю, это будет довольно легко.

Она сказала с грустью:

– Изгибаться ведь они уже не будут. И еще я должна сказать вам, что мы уже потеряли надежду на то, что я подрасту.

– Будет очень жаль, если это случится, – сказал его светлость.

– В#вы так думаете? – Горация изрядно удивилась. – Для меня рост – сущее наказание, уверяю вас. – Сделав глубокий вдох, она с трудом продолжила: – И еще в#вы м#могли з#заметить, что я… заикаюсь.

– Да, заметил, – мягко ответил граф.

– Если вы с#сочтете, что для вас это слишком, я пойму, сэр, – еле слышным голосом добавила Горация.

– Оно мне нравится, – сказал граф.

– Что очень странно с вашей стороны, – неуверенно заявила Горация. – Вероятно, в#вы г#говорите это для того, чтобы успокоить м#меня?

– Нет, – возразил граф. – Я сказал так потому, что это правда. Вы скажете мне, сколько вам лет?

– Это имеет з#значение? – тревожно спросила Горация.

– Да, думаю, имеет, – ответил его светлость.

– Этого я и б#боялась, – призналась она. – М#мне исполнилось с#семнадцать.

– Исполнилось семнадцать! – повторил его светлость. – Моя дорогая, я не могу этого сделать.

– Я еще молода?

– Вы еще слишком молоды, дитя мое.

Горация с мужеством отчаяния задрала подбородок.

– Я ведь стану старше, – отважно заявила девушка. – Н#не хочу оказывать д#давление на вас, но меня находят вполне благоразумной.

– А вы знаете, сколько лет мне? – поинтересовался граф.

– Н#нет, но моя кузина, миссис М#Молфри, говорит, что вы ни на д#день не старше тридцати пяти.

– А вам я разве не кажусь слишком старым? – предположил он.

– Немножко д#да, но, г#глядя на вас, этого не скажешь, – любезно сообщила ему Горация.

Он коротко рассмеялся в ответ на ее слова:

– Благодарю вас, – и поклонился. – Но мне кажется, что тридцатипятилетний мужчина будет очень неподходящим мужем для семнадцатилетней девушки.

– П#прошу вас, не д#думайте об этом! – искренне взмолилась Горация. – Уверяю вас, что д#для м#меня это не имеет никакого значения. С#собственно говоря, т#теперь мне кажется, что я бы с удовольствием вышла за вас.

– Неужели? – удивился он. – Вы оказываете мне большую честь, мадемуазель. – Он подошел к ней, и она встала. Граф взял ее руку и на мгновение поднес к своим губам. – Так чего же вы все-таки от меня хотите?

– Есть одна очень важная вещь, – призналась Горация. – Я бы не с#стала просить вас о ней, но ведь мы с вами з#заключили сделку, разве нет?

– В самом деле? – осведомился его светлость.

– Но ведь так оно и есть! – воскликнула Горация. – Вы же х#хотите через ж#женитьбу войти в нашу семью, не так ли?

– Я начинаю думать, что хочу, – заметил его светлость.

Горация нахмурилась:

– Но, насколько я поняла, именно ради этого вы и сделали предложение Л#Лиззи.

– Вы совершенно правы, – заверил он ее.

Девушка выглядела удовлетворенной.

– И вы не х#хотите, чтобы жена вмешивалась в ваши д#дела. Так в#вот, я могу пообещать, что н#не буду.

Его светлость вперил в собеседницу загадочный взгляд.

– А что взамен?

Она придвинулась ближе.

– Не м#могли бы вы с#сделать что-нибудь для Эдварда? – взмолилась она. – Я решила, что с#спасти его может только одна вещь – п#покровитель!

– И я… э#э… должен буду им стать? – полюбопытствовал его светлость.

– А в#вам этого очень н#не х#хотелось бы?

У графа вновь чуть приподнялись уголки губ, но лишь легкая дрожь в голосе выдавала его истинные чувства:

– Я буду счастлив помочь вам, мадемуазель, насколько это в моих скромных силах.

– Б#большое вам с#спасибо, – совершенно серьезно ответила Горация. – Понимаете, тогда они с Лиззи смогут п#пожениться. А маме вы скажете, что предпочитаете взять в жены меня, не так ли?

– Быть может, не в таких выражениях, – сказал граф, – но я постараюсь донести до нее эту мысль. Но я пока не вижу, как могу предложить такой обмен, не раскрыв факта вашего визита ко мне.

– О, об этом м#можно не б#беспокоиться! – жизнерадостно воскликнула Горация. – Я с#сама ей обо всем расскажу. Но с#сейчас мне пора уходить. Никто не знает, где я, и они могут н#начать беспокоиться.

– Но сначала мы должны выпить за нашу сделку, вы не находите? – сказал граф, поднял маленький позолоченный колокольчик и позвонил в него.

В ответ на призыв вошел лакей.

– Принесите мне… – граф скосил взгляд на Горацию, – миндального ликера и два бокала, – сказал он. – И мой экипаж пусть ждет у дверей через десять минут.

– Если… если экипаж д#для меня, – сказала Горация, – то отсюда до Саут-стрит рукой подать, сэр.

– Но я бы предпочел, чтобы вы позволили мне сопровождать вас, – сказал его светлость.

Дворецкий лично принес миндальный ликер и поставил тяжелый серебряный поднос на стол. Его отпустили коротким кивком, и он с сожалением ушел. А ему так хотелось собственными глазами увидеть, как милорд выпьет бокал миндального ликера.

Граф наполнил два бокала и протянул один девушке.

– За нашу сделку! – провозгласил он и сделал героический глоток.

Глаза Горации озорно блеснули.

– У м#меня такое ч#чувство, будто мы здорово п#поладим! – ответила она и поднесла бокал к губам.

Пять минут спустя его светлость вновь вошел в библиотеку.

– А, Арнольд, – сказал он. – Я тут нашел для вас кое-что.

– Да, сэр? – вставая, произнес мистер Гисборн.

– Вы должны приобрести для меня капитанский чин, – сказал граф. – Капитанский чин… в Десятом пехотном полку, по-моему, но я уверен, что вы разберетесь.

– Капитанский чин в Десятом пехотном? – эхом откликнулся мистер Гисборн. – Но для кого, сэр?

– Как же его зовут? – задумался его светлость. – Ястреб… Выпь… Нет, Херон![14] Да, именно так – Херон. Для мистера Эдварда Херона. Вы знакомы с мистером Эдвардом Хероном?

– Нет, сэр, не знаком.

– Увы, – вздохнул граф, – я тоже. Для нас все выглядит неловко, но я твердо верю в вас, Арнольд! Вы разузнаете все об этом Эдварде Хероне.

– Я постараюсь, сэр, – ответил мистер Гисборн.

– Боюсь, что доставил вам массу хлопот, – повинился его светлость, уже готовясь уходить. У самой двери он оглянулся. – Кстати, Арнольд, полагаю, вы пребываете в некотором

[14] Здесь граф перебирает названия птиц, потому что *heron* по-английски означает «цапля».

заблуждении. Честь принять мое предложение руки и сердца мне оказывает младшая мисс Уинвуд.

Мистер Гисборн был поражен и не стал этого скрывать:

– Мисс Шарлотта Уинвуд, сэр? Младшая же мисс Уинвуд, насколько мне известно, едва успела закончить пансион для девочек.

– Совершенно определенно это не мисс Шарлотта Уинвуд, – заявил граф. – Из первых уст мне доподлинно известно, что ничто на свете не заставит мисс Шарлотту выйти за меня замуж.

– Господи помилуй, милорд! – только и смог пробормотать окончательно сбитый с толку мистер Гисборн.

– Благодарю вас, Арнольд. Вы меня утешили, – отозвался его светлость и вышел из комнаты.

Глава 3

Свидетельницами возвращения младшей мисс Уинвуд на Саут-стрит стали обе ее старшие сестры, следившие за нею из окна гостиной. Ее отсутствие не осталось незамеченным, но поскольку привратник сообщил взволнованной гувернантке, что мисс Горация ушла в сопровождении своей служанки, то особой тревоги никто не испытывал. Поступок Горации был сочтен странным и весьма своевольным, но потом все решили, что она выскользнула тайком, дабы купить ярко-красные ленты, увиденные ею в витрине лавки продавца галантерейных товаров, или отрез набивного ситца на платье. Во всяком случае, такова была версия Элизабет, каковую она изложила своим мягким, умиротворяющим голосом. Это вполне удовлетворило леди Уинвуд, возлежащую на софе с флаконом нюхательной соли в руке.

Посему появление городского экипажа, запряженного парой великолепных гнедых лошадей в сверкающей сбруе, поначалу удостоилось лишь пары мимолетных взглядов, пока не стало очевидным, что сия роскошная карета намерена остановиться как раз у двери дома под номером двадцать.

Шарлотта воскликнула:

– Боже, кто бы это мог быть? Мама, к нам посетитель! – Прижавшись носом к стеклу, она продолжала: – На дверце имеется герб, но отсюда я не разберу… Лиззи, по-моему, это лорд Рул!

– О нет! – пролепетала Элизабет, прижимая ладонь к сердцу.

К этому времени лакей на запятках уже спрыгнул на землю и распахнул дверцу экипажа. От изумления глаза у Шарлотты полезли на лоб.

– Это же Хорри! – ахнула она.

Леди Уинвуд в отчаянии стиснула свой флакон с нюхательной солью.

– Шарлотта, мои нервы! – умирающим голосом простонала она.

– Но, мама, это правда! – настаивала средняя дочь.

Элизабет тем временем охватили дурные предчувствия.

– Боже, что она могла натворить? – прошептала она, опускаясь в кресло и заливаясь смертельной бледностью. – Надеюсь, ничего… ужасного!

На лестнице раздались торопливые шаги, дверь распахнулась от сильного толчка, и перед ними предстала Горация, разрумянившаяся и ясноглазая, размахивавшая шляпкой, которую она небрежно держала за ленты.

Руки леди Уинвуд нащупали мягкий круглый платок, покрывающий ее голову.

– Милая, сквозняк! – простонала она. – Моя бедная голова!

– Хорри, пожалуйста, закрой дверь! – сказала Шарлотта. – Разве можно врываться столь бесцеремонно и шумно, зная, какие расшатанные у мамы нервы?

– Ой, простите меня! – сказала Горация и осторожно притворила за собой дверь. – Я забыла. Л#Лиззи, все устроилось, и ты *выйдешь* з#замуж за Эдварда!

Леди Уинвуд села на софе.

– Господи помилуй, она бредит! Горация, что ты… чем ты занималась?

Горация небрежно отшвырнула в сторону накидку и с размаху опустилась на низенькую табуретку подле софы матери.

– Я была с визитом у лорда Рула! – провозгласила она.

– Так я и знала! – голосом Кассандры[15] откликнулась Элизабет.

---

[15] В древнегреческой мифологии прорицательница, предсказаниям которой никто не верил. Дочь последнего троянского царя Приама и царицы Гекубы, сестра Париса и Гектора.

Леди Уинвуд, со стоном смежив веки, откинулась обратно на подушки. Шарлотта, глядя на пугающую неподвижность матери, завизжала:

– Бессердечная девчонка! Неужели у тебя совсем не осталось сострадания к нашей дорогой мамочке? Лиззи, нашатырный спирт!

Нашатырный спирт, нюхательные соли и венгерская вода[16], втираемые в виски леди Уинвуд, вернули ее к жизни. Она открыла глаза и даже нашла в себе силы спросить:

– Что говорит это дитя?

Шарлотта, ласково поглаживая исхудавшую руку матери, сказала:

– Мама, умоляю, не стоит волноваться!

– Т#тебе и впрямь н#не о чем волноваться, м#мама, – покаянно поддакнула Горация. – Я действительно виделась с лордом Рулом, но…

– В таком случае все кончено! – с трагичной покорностью судьбе провозгласила леди Уинвуд. – Теперь нам остается разве что ждать, когда нас поведут в долговую тюрьму. Сама я против этого ничуть не возражаю, поскольку дни мои сочтены, но вот моя красавица Лиззи, моя милая Шарлотта…

– М#мама, в#выслушай же меня, в к#конце концов! – не выдержала Горация. – Я все объяснила л#лорду Рулу и…

– Боже милостивый! – воскликнула Элизабет. – Только не Эдвард!

– Да, Эдвард. Разумеется, я рассказала ему об Эдварде. И он н#не ж#женится на тебе, Лиззи, зато он п#пообещал стать вместо этого п#покровителем Эдварда…

Леди Уинвуд вновь пришлось прибегнуть к укрепляющему воздействию нюхательных солей, после чего она слабым голосом потребовала, чтобы ей сказали, чем она заслужила столь суровую кару.

– И еще я объяснила ему, ч#что ничто на с#свете не заставит Шарлотту в#выйти за него замуж, и он, как мне показалось, н#ничуть не обиделся.

– Теперь мне остается, – со спокойной решимостью провозгласила Шарлотта, – лишь умереть со стыда!

– О Хорри, дорогая моя! – всхлипнула Элизабет, смеясь сквозь слезы.

– А потом я спросила его, – с торжеством закончила Горация, – не хочет ли он жениться на м#мне. И он ответил с#согласием!

На мгновение ее родственники лишились дара речи. Очевидно, леди Уинвуд решила, что ситуация вышла из-под контроля ее флакончика с нюхательной солью, позволив тому выскользнуть из ее пальцев на пол, а сама в немом замешательстве уставилась на младшую дочь.

Первой обрела голос Шарлотта:

– Горация, ты хочешь сказать, что имела нескромность, неприличие и… и дерзость просить лорда Рула взять тебя в жены?

– Да, – твердо ответила Горация. – Имела.

– И… и… – Шарлотте явно не хватало слов, – он согласился… жениться на тебе вместо Лиззи?

Горация кивнула.

– Он не мог, – заявила Шарлотта, – не заметить заикания.

Горация гордо выпятила подбородок:

– Я п#первой заговорила с ним о з#заикании, и он сказал, что оно ему н#нравится!

Элизабет поднялась со своего кресла, обняла Горацию и прижала ее к своей груди:

[16] Венгерская вода считается первыми в Европе духами; создана на основе винного спирта в конце XIV века. Согласно легенде, сделана была по приказу королевы Венгрии Изабеллы.

– А почему нет? Милая моя, дорогая сестричка, я никогда не смогу отплатить тебе за то, что ты пожертвовала собой ради меня!

Горация покорно вытерпела объятия.

– Знаешь, говоря по правде, Лиззи, я с радостью в#выйду за него замуж. Но я все время с#спрашиваю себя: ты уверена, что не х#хочешь этого сама? – Девушка напряженно вглядывалась в лицо сестры. – Т#ты и в#вправду любишь Эдварда с#сильнее?

– Ох, любовь моя!

– Тогда я тебя не п#понимаю, – заявила Горация.

– Не следует полагать, – решительно заявила Шарлотта, – будто лорд Рул принял все за чистую монету. Можете мне поверить, он счел Хорри взбалмошным ребенком.

– Н#нет, не с#счел! – мгновенно ощетинилась Горация. – Он г#говорил совершенно искренне и н#нанесет маме в#визит сегодня, в три часа пополудни.

– Не ожидаете же вы, что я смогу встретиться с лордом Рулом лицом к лицу? – трагическим голосом осведомилась леди Уинвуд. – Я готова провалиться сквозь землю!

– А придет ли он вообще? – пожелала узнать Шарлотта. – И какой непоправимый вред могла нанести нескромность Хорри? Мы должны спросить себя, а захочет ли лорд Рул породниться с семьей, один из членов которой оказался настолько глух к женской скромности и чести?

– Шарлотта, не говори так! – с непривычной строгостью одернула сестру Элизабет. – Что еще он мог подумать, кроме того, что наша милая Хорри – всего лишь порывистый и непосредственный ребенок?

– Только на это нам и остается уповать, – с тяжким вздохом заключила Шарлотта. – Но, если она разболтала о твоей привязанности к Эдварду Херону, боюсь, все кончено. Мы знаем и любим нашу дорогую Хорри, не замечаем ее недостатков, но разве найдется джентльмен, готовый взять ее в жены вместо первой красавицы семейства?

– Я и сама об этом думала, – призналась Горация. – Он г#говорит, что легко п#привыкнет к моим ужасным бровям. И в#вот что я тебе еще скажу, Шарлотта! Он заявил, что будет очень ж#жаль, если я подрасту еще хоть немного.

– Как унизительно сознавать, что лорд Рул мог просто потешаться над Уинвудами! – сказала Шарлотта.

Но оказалось, что лорд Рул и не думал шутить. Ровно в три часа пополудни он поднялся по ступеням дома под номером двадцать по Саут-стрит и осведомился, сможет ли леди Уинвуд принять его.

Несмотря на свой пафосный отказ видеться с графом, леди Уинвуд нашла в себе силы ожидать его в гостиной, для чего ей пришлось подкрепиться нюхательными солями, а прибытие от портнихи нового платья со вставками из шелка в мелкий рубчик окончательно предотвратило нервный срыв.

Ее беседа с его светлостью длилась полчаса, по истечении каковых ливрейный лакей прибыл к мисс Горации с уведомлением о том, что ее присутствие желательно.

– Ага! – вскричала Горация, метнув победный взгляд на Шарлотту, и вскочила на ноги.

Элизабет схватила ее за руки:

– Хорри, еще не поздно! Если эта договоренность тебе неприятна, ради всего святого, не молчи, а я отдамся на милость лорда Рула!

– Неприятна? В#вздор! – заявила Горация и была такова.

– Хорри, Хорри, дай я тебе хотя бы пояс на платье поправлю! – выкрикнула ей вслед Шарлотта.

– Слишком поздно, – сказала Элизабет, молитвенно сложив руки перед грудью. – Ах, если бы я могла быть уверена в том, что это не самопожертвование на алтарь сестринской любви!

– Если хочешь знать мое мнение, – заметила Шарлотта, – то Хорри весьма довольна собой.

Горация, распахнув дверь гостиной, неожиданно обнаружила мать на ногах, а флакончик с нюхательными солями – забытым на столике с резными вставками из позолоченной бронзы. В центре комнаты, лицом к двери, стоял лорд Рул, одной рукой, на которой красовался перстень с огромным квадратным сапфиром, опираясь на спинку кресла. Он выглядел куда как авантажнее и неприступнее в голубом бархате с золотой тесьмой, чем давеча в костюме для верховой езды, и на мгновение Горация приостановилась, с сомнением глядя на него. Но потом она заметила его улыбку и вновь воспрянула духом.

К ней подплыла леди Уинвуд и обняла.

– Моя милая! – проворковала она, явно обуреваемая чувствами. – Милорд, услышьте ответ моего дорогого ребенка из ее собственных уст. Горация, милая моя, лорд Рул оказывает тебе честь и предлагает свою руку и сердце.

– Я же г#говорила тебе, что он ничуть не ш#шутил, м#мама! – заявила неисправимая девчонка.

– Горация! Умоляю тебя! – взмолилась многострадальная мамаша. – Где твой реверанс, любовь моя?

Горация послушно присела в реверансе. Когда же она выпрямилась, граф взял ее руку и изящно склонился над нею, после чего сказал, глядя на нее смеющимися глазами:

– Мадемуазель, я могу оставить эту маленькую ручку себе?

Леди Уинвуд подавила трепетный вздох и смахнула со щеки платочком непрошеную слезу.

– М#мило! – одобрительно заметила Горация. – М#можете, сэр. С вашей стороны очень любезно – доставить мне удовольствие и сделать предложение.

Леди Уинвуд, предчувствуя недоброе, принялась озираться по сторонам в поисках своих солей, но, видя, что его светлость смеется, передумала.

– Дитя мое, – ласково начала она. – Вы сами видите, милорд, какая она неиспорченная.

Она не оставила вновь помолвленную пару наедине, и вскоре граф откланялся, строго следуя тем же правилам приличия. Не успела входная дверь захлопнуться за ним, как леди Уинвуд заключила Горацию в материнские объятия.

– Мое милое дитя! – сказала она. – Тебе очень-очень повезло! Такой замечательный мужчина! Такая изысканная утонченность!

В дверь просунула голову Шарлотта:

– Можно нам войти, мама? Он действительно сделал Хорри предложение?

Леди Уинвуд вновь промокнула глаза платочком:

– В нем есть все, чего я только могла бы желать мужу своей дочери! Такая утонченность! Такая *порода*!

Элизабет завладела рукой Горации, но Шарлотта оказалась куда более практичной, заметив:

– А вот мне представляется, что он страдает старческим слабоумием. И, как ни отвратительна мне мысль о брачном контракте, я полагаю…

– Он – сама щедрость! – вздохнула леди Уинвуд.

– В таком случае позволь пожелать тебе радости и счастья, Хорри, – сказала Шарлотта. – Хотя я должна заметить, что полагаю тебя слишком юной и ветреной для замужества. И я буду молиться о том, чтобы у Терезы Молфри достало чувства такта не трезвонить на каждом углу об этом щекотливом деле.

Поначалу и впрямь складывалось впечатление, что миссис Молфри ни за что не сумеет удержать язык за зубами. Едва только стало известно об обручении, как она тотчас же примчалась на Саут-стрит, в чем ее кузины ничуть не сомневались, горя нетерпением услышать

все подробности истории из первых уст. Впрочем, она отнюдь не удовлетворилась тщательно отредактированной Элизабет версией о досадной «ошибке» и потребовала, чтобы ей рассказали всю правду. Положение спасла леди Уинвуд, в кои-то веки принявшая на себя удар и заявившая, что вопрос был улажен к ободному удовольствию ею и его светлостью, который влюбился в Горацию с первого взгляда.

Этим миссис Молфри и пришлось довольствоваться. Выразив свои соболезнования Элизабет за то, что та упустила графа, дабы получить взамен всего лишь лейтенанта, а Шарлотте посочувствовав, что ее обошла на повороте зеленая выпускница пансиона для девочек, отчего она рискует остаться старой девой, миссис Молфри удалилась, оставив после себя резкий запах фиалок. Все вздохнули с облегчением.

Шарлотта мрачно заметила, что из столь скандально устроенного брака Горации не выйдет ничего хорошего.

Но в своем пессимизме она оказалась одинока. Сияющий мистер Херон крепко стиснул Горации руки и поблагодарил от всего сердца, пожелав ей счастья. Мистер Херон уже имел честь свести знакомство с лордом Рулом на званом вечере для избранных, устроенном на Саут-стрит, и его светлость снизошел до того, что отвел молодого человека в сторонку, дабы побеседовать с ним о его будущем. Мистер Херон без колебаний заявил, что граф – добрейшей души человек, и воздержался от дальнейших комментариев по поводу его репутации или весьма зрелого возраста. Элизабет, которой тоже пришлось собраться с духом и предстать перед своим бывшим женихом, обнаружила, что не так страшен черт, как его малюют. Милорд поцеловал ей руку и, отпуская ее, произнес, изящно растягивая слова:

– Могу я надеяться, мисс Уинвуд, что отныне перестал быть людоедом?

Элизабет вспыхнула и опустила голову.

– О Хорри! – вздохнула она, и по губам ее скользнула улыбка. – Право же, милорд, вы никогда им не были.

– Но я должен извиниться перед вами, мадемуазель, – торжественно молвил он, – за то, что готов был сделать вас «ужасно несчастной».

– Если уж мы заговорили об извинениях, сэр… Вы, кто был сама доброта! – Она подняла глаза и попыталась поблагодарить его за все, что он собирался сделать для мистера Херона.

Очевидно, он решил, что дело не стоит благодарности, и отмел ее с ленивой насмешкой, так что девушка почему-то не могла продолжать далее. Он провел в ее обществе еще несколько минут, и она могла без спешки понаблюдать за ним. После чего Элизабет совершенно серьезно сообщила мистеру Херону, что, по ее мнению, Хорри может быть с ним вполне счастлива.

– Хорри уже счастлива, – коротко рассмеявшись, заявил мистер Херон.

– О да, но, видишь ли, дорогой, Хорри совсем еще ребенок. И, не стану скрывать, мне за нее тревожно. Лорд Рул далеко не мальчик. – Она озабоченно нахмурилась. – А Хорри вытворяет такие ужасные вещи! Ах, если бы только он был нежен с нею и терпелив!

– Любовь моя, – с мягкой улыбкой отозвался мистер Херон, – не думаю, что тебе есть о чем волноваться. Его светлость – воплощенная нежность, и я не сомневаюсь, что и терпения у него вдоволь.

– Воплощенная нежность, – повторила она. – Безусловно, и все-таки… знаешь, Эдвард, иногда мне кажется, что я боюсь его. У него есть странная манера так сжимать губы – очень редко, правда, – при этом лицо его теряет… как бы точнее выразиться… всякую подвижность, что ему совершенно несвойственно. Ах, если бы только он полюбил Хорри!

Но более никто, за исключением мисс Уинвуд, не предавался подобным размышлениям, и меньше всего – леди Уинвуд, купавшаяся в зависти всех своих знакомых. Ее спешили поздравить, потому что признавали ее триумф заслуженным. Даже мистер Уолпол, остано-

вившийся в это время на Арлингтон-стрит, нанес ей утренний визит в надежде разузнать кое-какие подробности. На лице у мистера Уолпола играла одобрительная улыбка, хотя в глубине души он сожалел о том, что его крестница выходит замуж за тори[17]. Но, несмотря на то что сам мистер Уолпол оставался ярым вигом[18], даже он признавал, что леди Уинвуд поступила правильно, презрев политические взгляды Рула. Сложив пальцы домиком, он скрестил обтянутые атласными чулками ноги и стал благовоспитанно слушать новости, сообщаемые ему леди Уинвуд. Миледи высоко ценила мистера Уолпола, которого знала на протяжении вот уже многих лет, однако особых откровений с ее стороны не последовало. Этот худощавый и чуткий джентльмен обладал не только добрым сердцем, но и весьма чутким носом, способным уловить малейшие признаки любого скандала, а также владел бойким сатирическим пером. Стоило ему разнюхать хоть что-либо об эскападах Хорри, и уже со следующей почтой леди Оссори и леди Айлзбери получили бы всю историю целиком.

К счастью, слухи о том, что Рул изначально предлагал руку и сердце Элизабет, не успели достичь Твикенхема[19], так что, помимо удивления, вызванного тем, что леди Уинвуд поспешила выдать Горацию замуж прежде божественной Элизабет (которая была его любимицей), он не выразил более ничего, способного встревожить и без того обеспокоенную мать. Поэтому леди Уинвуд по секрету сообщила ему, что, хотя об этом еще ничего не было объявлено, следующей покинуть родительское гнездышко должна была как раз Элизабет. Мистер Уолпол выказал было живейший интерес, но потом поджал губы, услышав о мистере Эдварде Хероне. Что ж, молодой человек из хорошей семьи (кому, как не мистеру Уолполу, знать об этом!), но он бы желал своей маленькой Лиззи кого-нибудь более выдающегося. Мистеру Уолполу очень нравилось, когда его юные друзья составляли замечательные партии. И впрямь, чувство удовлетворения, вызванное известием об обручении Горации, заставило его забыть один злополучный день в Твикенхеме, когда Горация проявила неблагодарность, после того как ей была оказана великая честь заглянуть к нему в маленький готический замок. Но тогда он лишь похлопал ее по руке и пригласил в следующий раз выпить сливок, взбитых с вином и сахаром, в его Земляничном коттедже[20]. Горация, которой строго-настрого наказали не быть *farouche*[21] («…потому что ему уже за шестьдесят, милая, и живет он очень уединенно, но при этом его доброе мнение значит очень много!»), сдержанно поблагодарила. Но при этом она выразила надежду, что ей более не потребуется восхищаться его ужасной маленькой собачонкой Розеттой, крайне избалованной и невоспитанной настолько, что того и гляди укусит гостя за пятки.

Мистер Уолпол заметил, что она еще слишком юна, чтобы думать о замужестве, на что леди Уинвуд ответила согласным вздохом: увы, она теряет свою малютку еще до того, как успела представить ее при дворе.

А вот это замечание оказалось неблагоразумным, поскольку дало повод мистеру Уолполу предаться воспоминаниям – что он делал неизменно – о том, как отец отвел его поцеловать руку Георгу Первому, когда он был еще ребенком. Горация потихоньку выскользнула вон, когда Уолпол не дошел еще и до половины, предоставив матери и далее изображать на лице живейший интерес.

В другом же квартале, расположенном, впрочем, буквально в двух шагах от Саут-стрит, известия о помолвке Рула вызвали совершенно противоположные эмоции. Там, на Харт-

---

[17] Член консервативной партии Англии.

[18] Член либеральной партии Англии.

[19] Западное предместье Лондона. Деревня Твикенхем впервые упоминается в 704 году. В XVII веке округу облюбовали английские вельможи, такие как Фрэнсис Бэкон и граф Кларендон.

[20] Двухэтажный каменный особняк в Твикенхеме, который Уолпол сначала снимал, а потом приобрел в собственность и внутри которого разворачивается действие многих его романов.

[21] Нелюдимый, дикий, угрюмый (*фр.*).

форд-стрит, располагался изящный особняк, где держала свой двор некая симпатичная вдовушка, но местечко это было не из тех, которые когда-либо посещала леди Уинвуд. Каролина Мэссей, вдова состоятельного торговца, сумела достичь своего нынешнего положения тем, что предала забвению связи покойного сэра Томаса с Сити[22], положившись на собственное респектабельное рождение и очаровательную внешность. Подспорьем в этом ей стало и состояние сэра Томаса, хотя и нажитое весьма предосудительным способом, зато весьма обширное. Оно позволяло его вдове жить в славном домике в лучшей части города, развлекать гостей и развлекаться самой, не стесняя себя в средствах, и даже обзавестись покровительством некоей патронессы, которая оказалась настолько беззаботной, что представила ее обществу. Впрочем, леди Мэссей давно перестала нуждаться в услугах сей дамы. Каким-то образом, лучше всего (как утверждали негодующие блюстительницы морали) известным ей самой, она ухитрилась превратиться в важную персону. Ее можно было встретить где угодно, и, даже если двери некоторых домов упорно отказывались открываться перед нею, она пользовалась достаточным успехом, чтобы делать вид, будто не обращает на это внимания. То, что признание ей обеспечивали, главным образом, поклонники-мужчины, похоже, ничуть ее не беспокоило; она не принадлежала к числу женщин, добивающихся дружеского расположения представительниц своего пола, хотя с нею и проживала постоянно некая увядшая и одинокая леди, очевидно кузина. Присутствие мисс Джанет было данью приличиям, и не более того. Тем не менее отнюдь не моральные устои леди Мэссей стали костью в горле у некоторых ее недоброжелательниц из числа аристократок. У каждой могут быть свои *affaires*[23], и если злые языки и поговаривали о слишком тесной дружбе красавицы Мэссей с лордом Рулом, то, пока она проворачивала своим амурные делишки с осмотрительностью и благоразумием, лишь такие записные моралистки, как леди Уинвуд, могли в ужасе заламывать руки. Вечное и несмываемое клеймо Сити навсегда закрыло доступ леди Мэссей в самые высшие слои общества. Она просто была не *bon ton*[24], не принадлежала к их кругу. Об этом говорили безо всякой желчи или злобы, иногда даже с сожалеющим пожатием породистых плеч, но это было проклятие, вечное и неизбывное. Леди Мэссей прекрасно знала о нем, но ни разу – ни словом, ни делом – не дала понять, что ощущает его тяжкое и почти невидимое бремя, и даже одинокая кузина не догадывалась о том, что стремление войти в круг избранных превратилось для нее почти что в навязчивую идею.

Всего один-единственный человек угадал эту ее слабость, находя в ней какое-то сардоническое удовольствие. Звали этого человека Роберт, барон Летбридж. Недостатки окружающих вкупе с их пороками имели обыкновение развлекать его.

Вечером третьего дня после повторного визита графа Рула к Уинвудам леди Мэссей давала прием с карточной игрой на Хартфорд-стрит. Подобные вечеринки неизменно пользовались популярностью, поскольку здесь можно было найти серьезную игру и прелестную хозяйку, чей подвал (благодаря стараниям непрезентабельного, зато ловкого сэра Томаса) всегда славился своими запасами.

Гостиная на первом этаже являла собою превосходные апартаменты, которые лишь оттеняли красоту их владелицы. Недавно она приобрела в Париже несколько предметов мебели, отделанных позолотой, после чего повелела снять всю старую драпировку и заменить ее шелком соломенного цвета, так что комната, прежде бывшая бледно-розовой, теперь лучилась всеми оттенками светло-желтого и палевого. Сама же она надела платье из атласной парчи с огромными корзинами-обручами и нижнюю юбку, расшитую гирляндами.

---

[22] Деловой центр Лондона.

[23] *Здесь:* интрижки (*фр.*).

[24] *Здесь:* светскость, принадлежность к сливкам общества (*фр.*).

Волосы ее были уложены в высокую прическу *pouf aux sentiments*[25] с закрученными перьями, за каждое из которых она отдала по пятьдесят луидоров у Бертен[26], и благоуханными розами, искусно размещенными здесь и там в этом высоком напудренном сооружении. Подобная прическа моментально стала предметом жгучей зависти нескольких честолюбивых дам, а миссис Монтегю-Дамер[27] заставила позеленеть от злости. Она тоже решила следовать французской моде и справедливо рассчитывала на всеобщее восхищение. Но по сравнению с великолепной *pouf aux sentiments* ее собственная прическа *chien couchant*[28] выглядела жалкой и нелепой, испортив признанной красавице все удовольствие от вечера.

Публика в гостиной собралась изящная и утонченная: тем, кто одевался дурно или старомодно, не было места в доме леди Мэссей, хотя двери его всегда были распахнуты настежь для таких оригиналок, как леди Амелия Придхэм, полнотелой и острой на язык дамы, которая уже сейчас выстраивала перед собой столбиками золотые монеты. Находились и те, кто недоумевал, отчего она бывает на Хартфорд-стрит, но леди Амелия, помимо исключительного добродушия, отличалась еще и истинной страстью к бассету[29].

Нынче вечером играли как раз в бассет, и за большим круглым столом свободно разместились человек пятнадцать. Банк держал лорд Летбридж, и именно он сделал столь поразительное объявление. Выплачивая выигрыш очередному счастливчику, он произнес с едва уловимой зловещей ноткой в голосе:

– Что-то я не вижу сегодня Рула. Очевидно, новоиспеченный жених ходит на задних лапках на Саут-стрит.

Сидящая напротив леди Мэссей быстро подняла глаза от карт перед собой, но ничего не сказала.

Один из макарони[30], молодец в огромном ступенчатом парике, щедро посыпанном синей пудрой, с тонким, нездорового цвета лицом, вскричал:

– О чем это вы?

Лорд Летбридж на мгновение задержал взгляд своих жестких карих глаз на лице леди Мэссей. Затем он чуть повернулся, чтобы взглянуть на озадаченного макарони, и с улыбкой заметил:

– Вы хотите сказать, что до сих пор ничего не знаете, Кросби? Уж кому-кому, а вам полагалось бы быть в курсе дела.

Его обтянутая атласом рука лежала на столе, а крепкие пальцы сжимали колоду карт. Свет свечей в огромном канделябре, висевшем над столом, искорками отражался в драгоценных камнях, утопавших в пене кружев у лорда на шее, отчего глаза его жутковато поблескивали.

---

[25] Прическа, изобретенная во времена Людовика XVI. Волосы (причем как свои, так и заимствованные) укладывались в высокую башню, которую украшали медальонами, портретами, цветами, веточками и пр.

[26] Роза Бертен (настоящее имя Мари-Жанна) (1747–1813) – знаменитая французская модистка и портниха Марии Антуанетты. Стала первой законодательницей моды и, как сейчас сказали бы, дизайнером одежды.

[27] Элизабет Монтегю (1718–1800) – социальная реформистка того времени. Помимо всего прочего, прославилась еще и тем, что в 1790 году спасла собственного четырехлетнего племянника из рук банды трубочистов, и с тех пор 1 мая празднуется как День трубочиста на Портмен-сквер, где раньше стоял ее дом.

[28] *Дословно:* спящая собака (*фр.*). Волосы широкой ровной волной поднимались надо лбом и двумя валика спускались к затылку, откуда к вискам тянулись крупные длинные локоны.

[29] Старинная французская карточная игра. Бассет очень напоминал игру в кости или рулетку, но при этом использовались карты.

[30] Английские франты 1760–1770#х годов, в правление Георга III. Макарони подражали итальянским и французским стилям: отсюда и их прозвище (на манер современного «макаронники»). Английские приверженцы итальянской моды в XVIII веке увлекались пастельными тонами в одежде и смело сочетали разные типы орнамента. Они также стали использовать для повседневных выходов такие атрибуты придворного костюма, как шпаги у пояса, высокие надушенные парики, открытые жилеты и перчатки с отворотами, красные каблуки. Все это скандализировало городскую публику, непривычную к подобной экстравагантности в общественных местах.

– Что вы имеете в виду? – пожелал узнать макарони, приподнявшись со своего места.

– Рула, мой дорогой Кросби! – ответил Летбридж. – Вашего кузена Рула, кого же еще.

– И что насчет Рула? – полюбопытствовала леди Амелия, с сожалением толкая от себя через стол один из своих монетных столбиков.

Взгляд Летбриджа вновь скользнул по лицу леди Мэссей.

– Ничего особенного, кроме того, что он вознамерился стать женатым человеком, – ответил он.

Его слова пробудили у собравшихся очевидный интерес. Кто-то сказал:

– Господи милосердный! А я уж думал, что он так и останется холостяком. Клянусь честью! И кто же счастливая нареченная, Летбридж?

– Счастливой нареченной является младшая мисс Уинвуд, – сказал Летбридж. – Любовь с первого взгляда. Как мне представляется, она едва успела окончить пансион.

Макарони, мистер Кросби Дрелинкурт, машинально поправил невообразимый галстук, который повязал вместо шейного платка.

– Фу, вот это новость! – с тревогой протянул он. – И откуда вы узнали об этом?

Летбридж выразительно приподнял свои тонкие, загибающиеся к вискам брови.

– О, мне рассказала об этом малышка Молфри. Завтра объявление о помолвке будет опубликовано в «Лондон газетт».

– Что ж, все это очень интересно, – проворчал дородный джентльмен в камзоле винно-красного бархата, – но игра, Летбридж, игра!

– Игра так игра, – поклонился его светлость и окинул взглядом разложенные на столе карты.

Леди Мэссей, выигравшая предыдущий кон, внезапно протянула руку и постучала ногтем по даме, лежащей перед ней.

– *Paroli*![31] – нетвердым голосом быстро произнесла она.

Летбридж перевернул две карты и одарил ее насмешливым взглядом.

– Туз бьет даму, – сказал он. – Удача отвернулась от вас, миледи.

Она коротко, неуверенно рассмеялась:

– Уверяю вас, я не обращаю внимания на такие вещи. Сегодня проигрываешь, завтра выигрываешь – такова жизнь, то вверх, то вниз.

Игра продолжалась. И только много позже, когда гости встали из#за стола и разбились на несколько групп, угощаясь изумительными легкими закусками и напитками, разговор вновь зашел о помолвке Рула. Леди Амелия, подкатившись к Летбриджу с бокалом горячего глинтвейна в одной руке и сахарным печеньем – в другой, обратилась к нему в свойственной ей безапелляционной манере:

– Вы собака, Летбридж. Кто тянул вас за язык с вашими новостями?

– Почему нет? – прохладно откликнулся его светлость. – Мне показалось, что всем будет интересно.

Леди Амелия допила свой глинтвейн и посмотрела на хозяйку, стоявшую в дальнем конце комнаты.

– Забавно, – заметила она. – Она и впрямь рассчитывала заполучить Рула?

Летбридж пожал плечами:

– Почему вы спрашиваете об этом меня? Я не принадлежу к числу конфидентов миледи.

– Гм! Вы всегда все знаете, Летбридж. Глупое создание. Рул не такой дурак. – Она стала высматривать мистера Дрелинкурта и в конце концов отыскала его, стоящего в одиночестве и задумчиво дергающего себя за нижнюю губу. Миледи захихикала:

---

[31] Удваивание ставки, когда на кон ставят выигрыш плюс ставку.

– Это стало для него ударом, а?

Лорд Летбридж проследил за ее взглядом.

– Признайтесь, я доставил вам несколько приятных минут, миледи.

– Господи, да вы сущий гнус, дорогой мой.

Миледи заметила, что рядом с нею выжидающе замер невысокий мистер Паджет, и игриво ткнула его под ребра сложенным веером.

– Что вы теперь скажете о шансах Кросби?

Мистер Паджет захихикал:

– Или нашей красавицы хозяйки, мадам?!

Миледи пожала своими массивными белыми плечами.

– Ну, если вам так хочется совать нос в дела глупой женщины… – проворчала она и двинулась прочь.

Мистер Паджет перенес свое внимание на лорда Летбриджа:

– Клянусь честью, милорд, она прямо побледнела под слоем румян!

Летбридж взял из табакерки понюшку.

– Это было жестоко с вашей стороны, милорд, право слово!

– Вы так думаете? – проговорил его светлость со сладчайшей улыбкой.

– Безусловно, сэр, безусловно! У меня нет сомнений, что она питала надежды на Рула. Но у нее ничего бы не вышло. Полагаю, граф чересчур горд для этого.

– Даже слишком, – откликнулся Летбридж столь сухим тоном, что у мистера Паджета возникло неприятное чувство, будто он сказал нечто неприличное.

Он настолько уверился в этом, что вскоре поведал о состоявшемся разговоре сэру Мармадьюку Хобану, который лишь фыркнул в ответ и заявил:

– Чертовски неприлично! – после чего отошел, чтобы вновь наполнить свой бокал.

Мистер Кросби Дрелинкурт, кузен и предполагаемый наследник[32] милорда Рула, был явно не склонен обсуждать услышанные новости. Он ушел с вечеринки непривычно рано и отправился к себе на квартиру на Джермейн-стрит, снедаемый самыми дурными предчувствиями.

Он провел беспокойную ночь, вскочив ни свет ни заря, и сразу же потребовал подать ему «Лондон газетт». Его камердинер принес газету вместе с чашкой шоколада, которой мистер Дрелинкурт обыкновенно баловался первым делом после пробуждения. Мистер Дрелинкурт выхватил у него из рук свежий номер и раскрыл его дрожащими пальцами. Объявление о помолвке глянуло ему в лицо с неопровержимой угрозой.

Мистер Дрелинкурт уставился на него, словно зачарованный, не замечая, что ночной колпак съехал ему на лоб.

– Ваш шоколад, сэр, – равнодушно напомнил ему камердинер.

Мистер Дрелинкурт очнулся от своего секундного замешательства.

– Заберите эту дрянь с глаз моих долой! – взвизгнул он и швырнул газету на пол. – Я одеваюсь!

– Слушаюсь, сэр. Вы наденете голубой утренний костюм?

Мистер Дрелинкурт обругал его, уже не владея собой.

Камердинер, привыкший к дурному нраву мистера Дрелинкурта, остался безучастным, но при первой же возможности, пока его хозяин натягивал чулки, заглянул уголком глаза в «Лондон газетт». То, что он там прочел, вызвало у него легкую язвительную улыбку, после чего он удалился, дабы приготовить бритву, коей собирался побрить мистера Дрелинкурта.

---

[32] Предполагаемый наследник становится действительным в том случае, если у наследодателя не родится более близкий родственник.

Известие о помолвке потрясло мистера Дрелинкурта до глубины души, но привычка оказалась сильнее, и, когда с бритьем было покончено, он овладел собой настолько, чтобы уделить самое пристальное внимание собственному туалету. Результат потраченных усилий оказался потрясающим. Когда он наконец счел себя готовым к выходу, то был одет в голубой сюртук с длинными фалдами и огромными серебряными пуговицами, из-под которого виднелся очень короткий жилет, и в полосатые бриджи, перехваченные у колен розетками. Галстук заменил ему шейный платок, чулки он предпочел шелковые, а башмаки с огромными застежками имели такие высокие каблуки, что ему приходилось семенить, чтобы не упасть. Парик его имел зачесанный надо лбом *hérisson*[33], расходился над ушами ласточкиными крыльями, а на затылке заканчивался длинной косичкой, упрятанной в черный атласный мешочек. Довершала наряд маленькая черная шляпа вкупе с разнообразной коллекцией брелоков и брошей; в руке он держал трость из волнистой древесины, щедро украшенную кисточками.

Хотя утро выдалось чудесным, мистер Дрелинкурт кликнул портшез и назвал адрес своего кузена на Гросвенор-сквер. Он осторожно сел в носилки, пригнулся, чтобы не задеть макушкой парика верх, носильщики взялись за ручки и понесли свою драгоценную ношу в северном направлении.

По прибытии на Гросвенор-сквер мистер Дрелинкурт расплатился с носильщиками и заковылял вверх по ступенькам к огромной входной двери особняка Рула. Привратник впустил его, хотя выглядел при этом так, словно с куда большей охотой захлопнул бы дверь перед носом этого посетителя. Мистер Дрелинкурт не пользовался особой любовью у домашних лорда Рула, но, будучи в некотором роде персоной привилегированной, он мог приходить и уходить, когда ему вздумается. Привратник сообщил ему, что милорд завтракает, на что мистер Дрелинкурт ответил небрежным взмахом своей лилейно-белой ручки. Привратник передал его ливрейному лакею, с удовлетворением отметив про себя, что утер нос этому сморчку.

Наведываясь в гости к кузену, мистер Дрелинкурт редко лишал себя удовольствия полюбоваться просторными и соразмерными комнатами особняка, равно как и изяществом, с коим они были меблированы. В каком-то смысле он привык считать имущество и владения Рула своими собственными и, входя в этот дом, всякий раз представлял себе тот день, когда он станет принадлежать ему одному. Сегодня, однако, он без труда отогнал от себя эти сладкие грезы и последовал за ливрейным лакеем в небольшую столовую в задней части особняка, не испытывая никаких чувств, кроме глубочайшей обиды.

Милорд, в халате парчового атласа, сидел за столом. Перед ним стояла высокая кружка эля и блюдо с жареной говядиной. Здесь же был и его секретарь, пытавшийся, судя по всему, разобраться с многочисленными приглашениями, поскольку, вступая неестественно важной походкой в комнату, мистер Дрелинкурт услышал, как тот безнадежно заметил:

– Но, сэр, вы же обещали появиться сегодня вечером у ее светлости герцогини Бедфорд!

– Мне бы хотелось, – печально заявил в ответ Рул, – чтобы вы выбросили эту идею из головы, Арнольд. Не представляю, где вы ее взяли, и не припоминаю ничего более неприятного. Доброе утро, Кросби. – Он поднес к глазу монокль, чтобы лучше рассмотреть пачку писем в руке мистера Гисборна. – Вон то, в розовом конверте, Арнольд. У меня пристрастие к письмам, написанным на розовой бумаге. Что это?

– Карточная вечеринка у миссис Уолчестер, сэр, – тоном глубочайшего неодобрения отозвался мистер Гисборн.

---

[33] Еж; *здесь*: наподобие иголок ежа (*фр.*).

– Чутье меня еще никогда не подводило, – удовлетворенно заявил его светлость. – Значит, пусть будет розовое. Кросби, вам совершенно ни к чему стоять столбом. Вы уже завтракали? Арнольд, не уходите, прошу вас.

– Если не возражаете, Рул, у меня к вам приватный разговор, – сказал мистер Дрелинкурт, приветствуя секретаря едва заметным поклоном.

– Ну же, не скромничайте, Кросби, – добродушно укорил его граф. – Если речь идет о деньгах, то Арнольд просто обязан знать все.

– Отнюдь нет, – раздосадованный донельзя, заявил мистер Дрелинкурт.

– С вашего позволения, сэр, – сказал мистер Гисборн и направился к двери.

Мистер Дрелинкурт отложил трость и шляпу, придвинул себе стул и сел.

– И завтрак мне тоже не предлагайте, благодарю! – сварливо заявил он.

Граф терпеливо наблюдал за ним.

– Итак, в чем же тогда дело, Кросби? – осведомился он.

– Я пришел, – начал мистер Дрелинкурт, – я пришел, чтобы поговорить с вами об этом… этой помолвке.

– Не вижу здесь ничего приватного, – заметил Рул, вновь принимаясь за холодную жареную говядину.

– Еще бы! – воскликнул Кросби, даже не потрудившись скрыть нотки негодования в голосе. – Значит, это правда?

– О да, полная и совершеннейшая правда, – согласился его светлость. – Так что вы можете без опаски поздравить меня, мой дорогой Кросби.

– Что до этого – разумеется, поздравляю и желаю вам счастья! – произнес обескураженный Кросби. – Но вы ни словом не обмолвились мне о своих планах, так что объявление стало для меня сюрпризом. И мне это представляется чрезвычайно странным, кузен, учитывая природу наших отношений.

– Природу чего? – Милорд, похоже, пребывал в некоторой растерянности.

– Полноте, Рул! В качестве вашего наследника я имею некоторое право знать о ваших намерениях.

– Примите мои извинения, – покаянно сказал его светлость. – Вы точно не хотите позавтракать, Кросби? Что-то вы на себя не похожи, дорогой мой. Собственно говоря, я бы хотел порекомендовать вам пудру другого тона для волос, а не эту, голубую, которую вы предпочитаете. Очаровательный оттенок, Кросби: не думайте, что она не заслуживает восхищения, вот только она подчеркивает нездоровую бледность вашего лица…

– Если я и выгляжу бледным, кузен, то винить в том следует экстраординарное объявление в сегодняшней «Лондон газетт». Оно повергло меня в шок; да, не стану отрицать – оно буквально повергло меня в шок!

– Но, Кросби, – жалобно заметил его светлость, – почему вы так уверены, что переживете меня?

– При естественном ходе событий этого следует ожидать, – ответил мистер Дрелинкурт, слишком раздраженный и разочарованный, чтобы следить за своими словами. – Я младше вас на десять лет, не забывайте.

Рул покачал головой.

– На вашем месте я бы не рассчитывал на это, – сказал он. – Я ведь происхожу из породы долгожителей, милый мой.

– Истинно так, – согласился мистер Дрелинкурт. – Это счастье для всех ваших родственников.

– Теперь и я это вижу, – угрюмо заметил его светлость.

– Не поймите меня неправильно, Маркус! Право же, не думайте, будто ваша безвременная кончина способна вызвать во мне иные чувства, кроме глубокой скорби, но ведь должен же я думать и о своем будущем.

– Весьма отдаленном! – парировал его светлость. – Такие мысли навевают на меня меланхолию, мой дорогой Кросби.

– Все мы надеемся, что оно будет отдаленным, – заявил Кросби, – но вы же не могли не заметить, сколь преходяща жизнь человеческая. Вспомните хотя бы молодого Фриттенхэма, погибшего в пору расцвета юности из#за того, что его коляска перевернулась! Сломал шею, как вам известно, и все ради того, чтобы выиграть пари.

Граф отложил нож и вилку, с веселым изумлением глядя на родственника.

– Подумать только! – повторил он. – Признаюсь вам, Кросби, ваши слова добавят… э#э… пикантности следующим скачкам, в которых я приму участие. Я начинаю понимать, что ваше наследование моего имущества, включая сапоги… Кстати, кузен, вы знаток в таких вещах, умоляю, скажите мне, что вы думаете о них? – И он выставил свою ногу на обозрение мистера Дрелинкурта.

Мистер Дрелинкурт отреагировал безошибочно:

– Ботфорты а ля д'Артуа, от Жубера. Сам я их не ношу, но они очень хороши – нет, в самом деле, очень хороши.

– Какая жалость, – заметил его светлость, – поскольку теперь я понимаю, что вы в любой момент можете оказаться на моем месте.

– Ну это вряд ли, Рул! Вряд ли! – добродушно запротестовал мистер Дрелинкурт.

– Но подумайте о том, сколь изменчива человеческая жизнь, Кросби! Вы сами говорили об этом минуту назад. Меня ведь в любой момент может выбросить из коляски.

– Я уверен, что не имел в виду ничего…

– Или, – меланхолично продолжал Рул, – я могу пасть жертвой одного из тех головорезов, которыми, как мне говорят, город просто кишит.

– Безусловно, – натянуто согласился мистер Дрелинкурт. – Но я не предполагаю…

– А ведь есть еще грабители с большой дороги, – вовсе уж уныло продолжал его светлость. – Вспомните хотя бы беднягу Лейтона, который получил пулю в плечо на Хьюстон-Хит всего какой-то месяц назад. А ведь на его месте мог оказаться я, Кросби. И все еще могу.

Кипя от негодования, мистер Дрелинкурт вскочил на ноги.

– Я вижу, вам угодно шутить на эту тему. Господь свидетель, я вовсе не желаю вашей смерти! Мне будет очень неприятно услышать об этом. Но ваше неожиданное решение сочетаться браком, когда положительно все уже перестали надеяться на это, застало меня врасплох, клянусь честью! Да еще с такой молодой леди, насколько я понимаю.

– Мой дорогой Кросби, почему не сказать прямо – с молоденькой леди? Я уверен, вы знаете, сколько ей лет.

Мистер Дрелинкурт презрительно фыркнул:

– Признаюсь, кузен, что не придал этому особого значения. Мисс едва окончила пансион, тогда как вам уже далеко за тридцать! Как бы вам не пришлось пожалеть об этом.

– Вы уверены, – осведомился его светлость, – что не хотите кусочек этой превосходной говядины?

Его кузен непритворно содрогнулся.

– Я никогда – слышите, никогда – не ем мясо об эту пору! – выразительно воскликнул мистер Дрелинкурт. – Оно вызывает у меня отвращение. Разумеется, вы должны понимать, что ваша странная женитьба вызовет насмешки и кривотолки. Семнадцать и тридцать пять! Клянусь честью, я подумал бы дважды, прежде чем отважиться на такую нелепость! –

Он сердито засмеялся и язвительно добавил: – Что до молодой леди, то тут нечему удивляться. Все прекрасно знают, что такое эти Уинвуды. Уж ей-то жалеть ни о чем не придется!

Граф откинулся на спинку стула, сунув одну руку в карман бриджей, а другой поигрывая моноклем.

– Кросби, – мягко сказал он, – если вы когда-нибудь повторите свои слова, боюсь – очень боюсь, что ваша смерть окажется безвременной и наступит намного раньше моей.

За столом воцарилось напряженное молчание. Мистер Дрелинкурт в замешательстве уставился на кузена и вдруг заметил, что глаза Рула под тяжелыми веками больше не смеялись. Напротив, они сверкали очень неприятным блеском. Мистер Дрелинкурт откашлялся – отчего-то у него перехватило горло – и продолжал высоким, срывающимся голосом:

– Мой дорогой Маркус! Уверяю вас, я не имел в виду ничего подобного! Как вы поспешны в своих суждениях!

– Вы должны простить меня, – почти не разжимая губ, произнес граф.

– О, разумеется! Можете быть совершенно покойны на этот счет, – заявил мистер Дрелинкурт. – Считайте, что ничего и не было вовсе, а что до моих слов, то вы поняли меня превратно, уверяю вас.

Граф несколько мгновений молча смотрел на Кросби, а затем черты его лица разгладились, и он вдруг рассмеялся.

Мистер Дрелинкурт подхватил свою шляпу с тросточкой и встал, собираясь уходить. В этот момент дверь резко распахнулась и в комнату вошла женщина. Она была среднего роста и одета в платье из яблочно-зеленого батиста в белую полоску в стиле, известном под названием *vive bergère*[34], а на голове у нее красовалась чудесная соломенная шляпка с лентами, которая очень ей шла. Через локоть был переброшен шарф, и довершал туалет зонтик от солнца с очень длинной ручкой, в руках вошедшая держала, как сразу же определил мистер Дрелинкурт, свежий экземпляр «Лондон газетт».

Женщина была очень красива, с исключительно выразительными глазами, в равной мере пронзительными и теплыми, и, кроме того, с графом ее роднило поразительное сходство.

На пороге она остановилась и окинула быстрым взглядом мистера Дрелинкурта.

– О… Кросби! – протянула она, даже не пытаясь скрыть своего неудовольствия.

Рул поднялся из#за стола и взял ее за руку.

– Моя дорогая Луиза, ты тоже пришла разделить со мной завтрак? – насмешливо осведомился он.

Она поцеловала его на сестринский манер и энергично ответила:

– Я позавтракала два часа назад, но ты можешь предложить мне кофе. Я вижу, вы уже уходите, Кросби. Умоляю, не стоит задерживаться из#за меня. Но, дорогой вы мой, чего ради вы опять вырядились, словно пугало огородное? Да и этот парик вам совершенно не идет, право слово!

Мистер Дрелинкурт, чувствуя, что удалиться, сохранив достоинство, после встречи с кузиной уже не удастся, поспешно поклонился и пожелал ей доброго утра. Едва он, смешно перебирая ножками, выскочил из комнаты, как леди Луиза Куэйн швырнула раскрытый экземпляр «Лондон газетт» на стол перед Рулом.

– Можно не спрашивать, зачем сюда приходила эта отвратительная маленькая жаба, – заметила она. – Но, мой дорогой Маркус, это уж слишком вызывающе! Допущена нелепая ошибка! Ты сам видел объявление?

Рул стал наливать ей кофе в собственную, еще чистую, чашку.

[34] Резвая пастушка (*фр.*).

– Дорогая Луиза, ты хоть понимаешь, что еще нет одиннадцати часов утра, а у меня уже побывал Кросби? Когда это я мог успеть прочитать «Газетт»?

Она приняла у него чашку, заметив мимоходом, что не понимает, как он может пить за завтраком эль.

– Тебе придется дать второе объявление, – сообщила она ему. – Не представляю, как они могли сделать такую глупую ошибку. Дорогой мой, они перепутали имена сестер. Вот, смотри сам: «Досточтимая Горация Уинвуд, младшая дочь…» Право, это было бы смешно, не будь так досадно! Но как, во имя всего святого, они могли напечатать «Горация» вместо «Элизабет»?

– Видишь ли, – извиняющимся тоном сказал Рул, – объявление в газету посылал Арнольд.

– Ни за что не поверю, что мистер Гисборн – такой болван! – провозгласила ее светлость.

– Пожалуй, я должен объяснить тебе, что он лишь выполнял мое поручение, – еще более извиняющимся тоном сказал его светлость.

Леди Луиза, рассматривавшая объявление в «Лондон газетт» со смешанным чувством отвращения и изумления, выронила ее из рук и резко развернулась на стуле, с недоумением глядя на брата.

– Господи, Рул, что ты хочешь этим сказать? – пожелала узнать она. – Ты не можешь жениться на Горации Уинвуд!

– Именно это я и собираюсь сделать, – преспокойно ответствовал его светлость.

– Рул, ты сошел с ума? Ты же сам мне рассказывал о том, что сделал предложение Элизабет!

– У меня такая плохая память на имена! – скорбно пробормотал милорд.

Леди Луиза с размаху ударила по столу раскрытой ладонью.

– Вздор! – сказала она. – Твоя память ничуть не хуже моей!

– Дорогая моя, мне бы не хотелось так думать, – заявил граф. – Временами твоя память слишком хороша.

– Ого! – воскликнула миледи, с подозрением глядя на него. – Ты что, и впрямь намерен жениться на этой девочке?

– Во всяком случае, она твердо вознамерилась выйти за меня замуж, – ответил его светлость.

– Что? – ахнула леди Луиза.

– Видишь ли, – пояснил граф, садясь на прежнее место, – это должна была быть Шарлотта, но та не намерена приносить такую жертву даже ради Элизабет.

– Кто-то из нас двоих определенно сошел с ума! – уверенно заключила леди Луиза. – Я не знаю, о чем ты говоришь и как собираешься жениться на Горации, которая, кажется, еще даже не окончила пансион, в чем я не уверена, поскольку в глаза ее не видела, вместо божественной Элизабет…

– Да, но я рассчитываю привыкнуть к ее бровям, – перебил ее граф. – Кроме того, у нее есть нос. Фамильный.

– Рул, – с угрожающим спокойствием сказала ее светлость, – не доводи меня до греха. Где ты мог познакомиться с этой девочкой?

Он смотрел на нее с тонкой улыбкой на губах.

– Если я скажу тебе, Луиза, то ты, скорее всего, откажешься мне верить.

Она вскинула на него глаза.

– А когда это тебе пришла в голову мысль жениться на ней? – спросила она.

– О, она не приходила, – ответил граф. – Да и мысль была вовсе не моя.

– А чья?

– Горации, дорогая моя. Мне казалось, я все тебе доходчиво объяснил.

– То есть ты хочешь сказать мне, Маркус, что девчонка предложила тебе жениться на ней? – с нескрываемым сарказмом осведомилась леди Луиза.

– Вместо Элизабет, – согласно кивнул его светлость. – Видишь ли, Элизабет должна выйти замуж за мистера Херона.

– Кто, во имя всего святого, этот мистер Херон? – вскричала леди Луиза. – Клянусь тебе, что еще никогда в жизни не слышала подобной ахинеи! Признавайся, что водишь меня за нос.

– Вовсе нет, Луиза. Ты просто не понимаешь сложившегося положения. Одна из них должна выйти за меня замуж.

– Как раз в это я готова поверить, – сухо заметила она. – Но только не во весь этот вздор насчет Горации. Где здесь правда?

– Правда заключается в том, что Горация предложила мне себя вместо сестры. Можно не говорить, что об этом не должен узнать никто, кроме тебя.

Леди Луиза не имела привычки изумляться на ровном месте, не стала она и сотрясать воздух бессмысленными восклицаниями.

– Маркус, эта девчонка – блудница?

– Никоим образом, – заверил ее брат. – Она совсем не такая, Луиза. Напротив, я склонен полагать ее героиней.

– Разве она не хочет выйти за тебя замуж?

Глаза графа озорно сверкнули.

– В общем, я ведь уже пожилой человек, хотя, глядя на меня, этого не скажешь. Но она уверила меня, что не отказалась бы выйти за меня замуж. Если мне не изменяет память, она предсказала, что мы с нею недурно поладим.

Леди Луиза, пристально глядя на него, неожиданно спросила:

– Рул, ты что, влюбился в нее с первого взгляда?

Он выразительно приподнял брови, глядя на нее с легким изумлением:

– Моя дорогая Луиза! В моем-то возрасте?

– В таком случае женись на красавице, – решительно заявила она. – Уж она-то поймет тебя лучше.

– И вновь ты ошибаешься, дорогая моя. Горация все прекрасно понимает. Она обещает не докучать мне.

– В семнадцать-то лет! Глупости, Маркус. – Она встала и накинула шарф на плечи. – Я хочу посмотреть на нее.

– Пожалуйста, – радушно откликнулся он. – Полагаю, хотя и могу показаться тебе предубежденным, что она тебе понравится. Очень.

– Если ты так о ней думаешь, – сказала миледи, и глаза ее смягчились, – я полюблю ее, несмотря на ее косоглазие!

– Это не косоглазие, – поправил сестру его светлость. – Заикание.

Глава 4

На языке у леди Луизы Куэйн вертелся вопрос, который она, впрочем, так и не задала: «А как же Каролина Мэссей?» Отношения брата с красавицей Мэссей были ей прекрасно известны, да и разговор начистоту ее, в общем-то, не пугал. Она успокоила себя тем, что никакие ее слова и доводы не повлияют на поведение брата, но признала, что ей недостает мужества затронуть эту тему. Леди Луиза справедливо полагала, что пользуется доверием Рула, но он никогда не обсуждал с нею свои амурные похождения и вполне мог сделать ей крайне неприятный выговор, рискни она ступить на запретную территорию.

Хотя она не льстила себе мыслью о чрезмерной значимости собственного влияния, но именно она убедила брата всерьез задуматься о женитьбе. Луиза заявила, что единственное, чего не сможет вынести, так это перспективы увидеть Кросби на месте Рула. И именно она посоветовала ему остановить свой выбор на мисс Уинвуд как многообещающей невесте. Элизабет ей понравилась, и Луиза быстро оценила не только неземную красоту девушки, но и ее покладистый и мягкий нрав. И уж наверняка наличие столь очаровательной жены заставит Рула порвать с этой отвратительной Мэссей. Но сейчас ей казалось, что Рулу абсолютно все равно, на ком жениться, а это сулило крайне неприятные перспективы его супруге в свете будущего влияния на него. Да еще семнадцатилетней девчонке! Вряд ли можно было подыскать более неподходящую партию.

Леди Луиза отправилась с визитом к леди Уинвуд, где и познакомилась с Горацией, но уезжала она с Саут-стрит в уже совсем ином расположении духа. Эта чернобровая девочка совсем не походила на глупую зеленую мисс, едва выпорхнувшую из пансиона. «Боже! – думала ее светлость. – Да она устроит ему веселенькую жизнь!» Словом, все оказалось намного лучше, чем она представляла. Мягкость и покорность Элизабет далеко не так хорошо отвечали своему назначению, как бурный темперамент Горации. «Что ж, – сказала себе Луиза, – теперь у него не будет ни минуты покоя и уж точно не найдется времени на эту постылую Мэссей».

Казалось маловероятным, что Рул предвидит ожидающее его беспокойное будущее. Он продолжал бывать на Хартфорд-стрит, и ни единого намека на расставание не слетело с его губ.

Леди Мэссей приняла Рула в своем серебристо-розовом будуаре через два дня после объявления о его помолвке. На ней был атласный пеньюар, отделанный кружевами, и она полулежала на парчовой софе. Слуги не докладывали о его прибытии; он вошел в комнату как человек, имеющий на это полное право, и, закрывая за собой дверь, с юмором заметил:

– Дорогая Каролина, у вас новый привратник. Это вы приказали ему захлопнуть дверь у меня перед носом?

Она протянула ему руку.

– А он действительно пытался это сделать, Маркус?

– Нет, – ответил его светлость. – Нет. Меня еще не постигла столь постыдная участь.

Он взял ее руку и поднес к своим губам. Она сомкнула пальчики вокруг его кисти и привлекла его вниз, к себе.

– А я уж было подумал, что мы ведем себя чересчур официально, – с улыбкой заметил он и поцеловал ее.

Все еще не отпуская его руки, она сказала насмешливо-печально:

– Быть может, нам стоит вести себя официально – теперь, милорд.

– Значит, вы все-таки приказывали привратнику захлопнуть передо мною дверь? – вздохнул его светлость.

– Нет. Но ведь вы женитесь, разве нет, Маркус?

– Женюсь, – признался Рул. – Но еще не завтра, к вашему сведению.

Она улыбнулась, но улыбка ее быстро увяла.

– Вы могли бы предупредить меня, – сказала она.

Граф открыл табакерку и сунул в нее большой и указательный пальцы.

– Мог, конечно, – сказал он и завладел ее рукой. – Новая смесь, моя дорогая, – пояснил он, просыпал понюшку на ее снежно-белое запястье и втянул ее носом.

Миледи отняла у него руку.

– Разве не могли вы предупредить меня заранее? – повторила она.

Он закрыл табакерку и посмотрел на нее сверху вниз, все еще добродушно, но в глубине его глаз вспыхнули огоньки, при виде которых ей вдруг стало зябко. А потом ее охватил гнев: она прекрасно понимала его молчание – он не собирался обсуждать с ней свою женитьбу. Нарочито небрежным голосом она произнесла:

– Полагаю, вы скажете, что меня это никоим образом не касается.

– Я не настолько груб, Каролина, – мягко возразил его светлость.

Она почувствовала себя одураченной, но все-таки сумела выдавить улыбку.

– Действительно. Я слышала, что вас называют самым сладкоречивым мужчиной в Англии. – Протянув руку к свету, она залюбовалась своими перстнями. – Но я не знала, что вы подумываете о женитьбе.

Миледи окинула его мимолетным взглядом и торжественно-насмешливым тоном произнесла:

– Видите ли, я думала, что вы любите меня, меня одну!

– Хотел бы я знать, – заметил его светлость, – какое отношение к этому имеет моя женитьба? Я весь у ваших ног, дорогая. Самых красивых, надо отметить, какие я когда-либо видел.

– А повидали вы их немало, готова держать пари, – суховато отозвалась миледи.

– Дюжины, – жизнерадостно подтвердил его светлость.

Она не собиралась говорить того, что сказала в следующее мгновение, но слова эти невольно сорвались у нее с языка:

– Однако при том, что вы у моих ног, Маркус, предложение вы сделали другой женщине.

Граф поднес к глазу монокль, разглядывая фигурку паяца дрезденского фарфора, стоявшую на каминной полке.

– Если вы купили ее как Кендлера[35], любовь моя, то, боюсь, вас обманули, – заметил он.

– Ее мне подарили, – нетерпеливо бросила она.

– Какой кошмар! – сказал его светлость. – Я пришлю вам вместо нее превосходную пару танцоров.

– Вы чрезвычайно любезны, Маркус, но мы говорим о вашей женитьбе, – сердито заметила она.

– Это вы о ней говорите, – поправил он. – Я же пытался… э#э… сменить тему.

Она поднялась с софы и нетерпеливо шагнула к нему.

– Полагаю, – затаив дыхание, проговорила она, – что прекрасная Мэссей недостойна такой чести?

– По правде говоря, дорогая, скромность не позволяет мне надеяться, что прекрасная Мэссей… э#э… всерьез задумалась бы о браке со мной.

– Быть может, и нет, – ответила она. – Но, думаю, причина не в этом.

---

[35] Кендлер Иоганн Иоахим (1706–1775) – немецкий скульптор. С 1731 года – модельер фарфоровой мануфактуры в Мейсене. Автор столовых сервизов с богатым декором в стиле рококо и фарфоровой скульптуры (статуэтки служанок, ремесленников, актеров, фигурки зверей и птиц, религиозные композиции, портретные бюсты и т. п.).

– Видите ли, – задумчиво протянул его светлость, – брак – очень скучная и утомительная штука.

– В самом деле, милорд? Даже брак с благородным графом Рулом?

– Даже со мной, – согласился его светлость. Он посмотрел на нее со странным выражением в глазах, которое никак нельзя было принять за улыбку. – Видите ли, дорогая моя, говоря вашими же словами, вам пришлось бы любить меня – меня одного.

Миледи была настолько поражена, что лишилась дара речи. Даже под слоем румян стало заметно, что на щеках у нее расцвел жаркий румянец. Неловко рассмеявшись, она отвернулась и принялась бесцельно переставлять розы в одной из ваз.

– Это действительно было бы очень скучно, – сказала она и искоса взглянула на него. – Или вы ревнуете, милорд?

– Никоим образом, – безмятежно откликнулся граф.

– А если бы я была вашей женой?

– Вы так очаровательны, дорогая моя, что мне наверняка пришлось бы ревновать, – с поклоном ответил его светлость.

Миледи была слишком умна, чтобы и далее продолжать разговор на эту тему. Она и так опасалась, что зашла слишком далеко, и, какую бы досаду ни вызывала у нее его женитьба, она вовсе не хотела оттолкнуть его от себя или, паче чаяния, нажить в его лице врага. Одно время она вынашивала надежду стать графиней Рул, хотя и прекрасно сознавала, что общество сочтет такой союз скандальным. Сейчас она вдруг поняла, что Рул озадачил ее. Она уловила блеск стали и догадалась, что под беззаботной внешностью скрывается нечто неуловимое и весьма неожиданное. Она-то воображала, что сможет обвести его вокруг пальца; и вот впервые ее посетили сомнения, и она поняла, что должна вести себя крайне осмотрительно, если не хочет навсегда потерять его.

А этого ей уж никак не хотелось. Покойный сэр Томас, в свойственной ему эгоистичной манере, распорядился своим капиталом таким образом, что ей вечно недоставало свободных денег. Сэр Томас не испытывал сострадания к женщинам, обожавшим фараон[36] или бассет. К счастью, граф Рул не разделял его предубеждений и ничуть не возражал против того, чтобы оказать денежную помощь леди, оказавшейся в стесненных обстоятельствах. Он никогда не задавал неприятных вопросов по поводу азартных игр, и его кошелек всегда был к ее услугам.

Но сегодня он удивил и даже напугал ее. Она и подумать не могла, что он догадывается о существовании соперника; как оказалось, он прекрасно осведомлен о нем, и не исключено, что знал обо всем с самого начала. Ей придется быть осторожной; а уж ей ли не знать, как обстоят дела между ним и Робертом Летбриджем!

Никто и никогда не говорил об этом в открытую, никто не подозревал о том, откуда просочились слухи, но все знали, что некогда Роберт Летбридж страстно добивался руки леди Луизы Дрелинкурт. Ныне Луиза благополучно была замужем за сэром Хэмфри Куэйном, ее репутация оставалась безупречной, но в ее молодости были и такие деньки, когда весь город буквально гудел сплетнями и пересудами о ней. Всей истории целиком не знал никто, зато всем было известно, что Летбридж влюбился в нее без памяти и даже просил ее руки, в чем получил отказ, но не от самой леди, а от ее брата. Факт сей изрядно удивил общество, поскольку, несмотря на свою отвратительную репутацию («первый повеса на весь город, любовь моя!»), никто и предположить не мог, что именно Рул решительно воспротивится этому союзу. Тем не менее он, очевидно, настоял на своем. Об этом знали все. А вот того, что случилось потом, в точности не знал уже никто, хотя каждый готов был поделиться своими соображениями на этот счет. Скандал замяли со всей тщательностью, концов было

[36] Азартная карточная игра.

уже не найти, но в свете поговаривали о похищении. Кое-кто утверждал, что это было вовсе не похищение, а сознательное бегство на север, к границе, в сторону Гретны[37]. Все могло быть действительно так, вот только беглецы не добрались до Гретны-Грин – в упряжке графа Рула всегда ходили быстроногие лошади.

Одни говорили, будто двое мужчин сошлись на дуэли где-то на Большой северной дороге[38]; другие уверяли, будто в руках у Рула была не шпага, а хлыст, но последнее представлялось маловероятным, поскольку Летбридж, несмотря на свое далеко не безгрешное поведение, лакеем не был. Жаль, конечно, что никто не знал всей правды, но эта история имела замечательно скандальный привкус. Но ни один из трех участников драмы никогда не упоминал о ней, и даже, как говорили, если леди Луиза и бежала с Летбриджем однажды ночью, то ровно сутки спустя она благополучно оказалась в гостях у своих родственников в Грэнтаме. Правдой было и то, что Роберт Летбридж пропал из виду на несколько недель, но затем вновь объявился, как ни в чем не бывало, ничуть не напоминая отвергнутого возлюбленного. Город сгорал от нетерпения увидеть, как они с Рулом поведут себя при встрече, каковая непременно должна была состояться рано или поздно, но любителей скандалов вновь ожидало разочарование.

Ни один из них не проявил ни малейшей вражды по отношению к другому. Они мирно обменялись ничего не значащими репликами. Если бы не мистер Гарри Кру, который собственными глазами видел, как Рул вылетел из города на своей скаковой двуколке в крайне неурочное время – за два часа до полуночи, то даже самые закоренелые сплетники вынуждены были бы признать, что вся эта история – не более чем чья-то досужая выдумка.

Но леди Мэссей не разделяла всеобщего заблуждения. Она была знакома с лордом Летбриджем настолько хорошо, что готова была заложить все до единого свои великолепные бриллианты, чтобы утверждать – его отношение к графу Рулу было приправлено чем-то бóльшим, нежели обычное нерасположение.

Что до Рула, то он ничем не проявлял своих чувств, но она отнюдь не намеревалась потерять его, слишком явно и благосклонно принимая ухаживания Роберта Летбриджа.

Закончив составлять букет, она обернулась, и в глазах у нее блеснули искорки горького юмора.

– Маркус, дорогой мой, – беспомощно сказала она, – у меня есть заботы и поважнее! Я проиграла пятьсот гиней в мушку[39], и эта гадкая Селестина назойливо требует от меня уплаты долга! Что мне делать?

– Пусть такие мелочи вас не беспокоят, моя дорогая Каролина, – сказал его светлость. – Пустяковый заем, и дело улажено.

Она была настолько тронута, что воскликнула:

– О, как вы добры! Я жалею… Я очень жалею о том, что вы женитесь, Маркус. Нам с вами было хорошо, но у меня такое чувство, будто вскоре все изменится.

Если она имела в виду их товарно-денежные отношения, то у нее могли быть резоны для сожалений. В самом ближайшем будущем у лорда Рула наверняка появятся новые претенденты на его кошелек. Виконт Уинвуд возвращался домой, в Англию.

---

[37] В 1753 году английский парламент принял закон, по которому молодые люди не имели права заключать брак без согласия родителей до достижения ими 21 года (возраста юридического совершеннолетия). Однако закон имел силу только на территории Англии, поэтому многие несовершеннолетние пары, не получившие родительского благословения на брак, отправлялись в Шотландию. Первой шотландской деревушкой, которая попадалась беглецам на пути из Лондона, была именно Гретна-Грин. По шотландским законам, чтобы вступить в брак, достаточно было в присутствии двух свидетелей объявить себя мужем и женой. Ни пастор, ни другое должностное лицо не обязаны были присутствовать при таинстве бракосочетания.

[38] Дорога из Лондона в Эдинбург.

[39] Карточная игра, весьма популярная в XVIII веке.

Виконту, получившему в Риме известие о скорой свадьбе младшей сестры, пришлось подчиниться желанию родительницы и немедленно отправиться в обратный путь, причем со всей возможной скоростью. Задержавшись на несколько дней во Флоренции, где он случайно наткнулся на пару своих закадычных приятелей, да проведя неделю в Париже по делам, имеющим прямое касательство к игре, он наконец направился домой и наверняка прибыл бы в Лондон не позже чем через три дня после срока, к которому его ожидала любящая мать, если бы в Бретейле не встретил сэра Джаспера Миддлтона. Сэр Джаспер, держа путь в столицу[40], остановился на ночлег в гостинице Святого Николая и как раз в одиночку расправлялся с обедом, когда в залу вошел виконт. Очевидно, такова была воля Провидения, поскольку сэру Джасперу смертельно прискучило собственное общество, да вдобавок он уже много дней жаждал расквитаться с Пелхэмом за партию в пикет[41], сыгранную в Лондоне за несколько месяцев до этого.

Виконт был счастлив оказать ему такую услугу. Они просидели за картами всю ночь, а утром Пелхэм, вне всякого сомнения, вследствие недосыпания сел в карету сэра Джаспера и покатил обратно в Париж. Игра продолжалась и в экипаже, и виконт не замечал никаких несообразностей до тех пор, пока они не прибыли в Клермон, а поскольку отсюда до Парижа оставалось всего семь или восемь почтовых застав, то не понадобилось особых усилий, дабы убедить его продолжить путь.

Когда он в конце концов прибыл в Лондон, там уже полным ходом шли приготовления к свадьбе Горации; он выразил удовлетворение брачным контрактом, оценивающим взглядом окинул акт учреждения семейного имущества, поздравил сестру с выпавшей на ее долю удачей и отправился засвидетельствовать свое почтение графу Рулу.

Разумеется, они были знакомы и до этого. Правда, поскольку Пелхэм был лет на десять младше графа, то вращались оба в разных кругах, и потому знакомство было шапочным. Но данное обстоятельство никоим образом не смущало жизнерадостного виконта: он приветствовал Рула с развязным дружелюбием, которое обычно приберегал для своих приятелей, после чего, заставив того ощутить себя полноправным членом семьи, непринужденно попробовал взять у него взаймы денег.

– Не возражаю против того, чтобы сообщить вам, старина, – откровенно признался он, – что если я должен появиться на вашей свадьбе, то мне придется что-нибудь сунуть своему портному. Не годится появляться там в обносках, понимаете? Девочкам это не понравится.

Виконт, в общем-то, не был пижоном и щеголем, но меньше всего его туалету подходило слово «обноски». Хотя галстук постоянно сбивался у него на сторону, но одежду ему поставлял лучший портной в городе, да еще из первосортного материала, украшенного к тому же обильным золотым шитьем. В настоящий момент он развалился в одном из кресел Рула, вытянув перед собой ноги, а руки засунув в карманы желтовато-коричневых бриджей. Бархатный сюртук его был небрежно расстегнут, обнаруживая жилет, украшенный вышивкой в виде экзотических цветов и певчих птиц. В пене кружев у ворота утопала булавка с превосходным сапфиром, а его чулки были из шелка со стрелками.

Виконт, среднего роста и среднего же телосложения, благородно поддержал фамильную традицию Уинвудов приятной внешностью. Он очень походил на свою сестру Элизабет: обоих отличали золотистые кудри и яркие голубые глаза, прямой красивый нос, изящно очерченные губы. Но вот небесного спокойствия сестры брату недоставало. Подвижное лицо виконта уже испещрили морщины, а глаза непрестанно перебегали с места на место.

---

[40] *Здесь:* Париж.

[41] Карточная игра, одна из самых популярных в Европе со второй половины XVI по конец XVIII века. Основная особенность игры – возможность набрать очки и при самой игре за полученные взятки (как в большинстве карточных игр), и одновременно за комбинации (как в покере). Играли в пикет обычно два игрока – один на один.

Он выглядел добродушным малым, коим и был на самом деле, и, похоже, взирал на мир со здоровым юношеским цинизмом.

Рул с невозмутимым спокойствием принял предложение заплатить за свадебный наряд будущего шурина. Он взглянул на своего гостя сверху вниз с некоторым изумлением, но ответил в своей ленивой манере:

– Разумеется, Пелхэм.

Виконт с одобрением уставился на него.

– Есть у меня подозрение, что мы прекрасно поладим, – заметил он. – Не то чтобы у меня была привычка брать взаймы у друзей, но я считаю вас членом семьи, Рул.

– И приобщаете меня к ее привилегиям, – на лице у графа не дрогнул ни один мускул. – Сделайте же еще один шаг и предоставьте мне список своих долгов.

На мгновение виконт опешил.

– Как вы сказали? Что, всех? – Он покачал головой. – Дьявольски любезно с вашей стороны, Рул, но это невозможно.

– Вы меня пугаете, – сказал граф. – Они вне моих ресурсов?

– Все дело в том, – доверительным тоном сообщил ему виконт, – что я не знаю, насколько они велики.

– Мои ресурсы или ваши долги?

– Проклятье, старина, долги! Я не упомню и половины. Нет, давайте не будем спорить. Несколько раз я пытался подсчитать их. Думаешь, что вот наконец закончил, а потом, откуда ни возьмись, вновь всплывает какой-нибудь давно забытый счет многолетней давности. Так я ни разу и не дошел до конца. Лучше оставить все как есть. Живи по средствам – вот мой девиз.

– В самом деле? – с легким удивлением осведомился Рул. – Никогда бы не подумал.

– Я имею в виду, – пустился в объяснения виконт, – что когда какой-нибудь кредитор пускает, образно говоря, по вашему следу судебного пристава, приходит время рассчитаться с ним. Но чтобы уплатить все мои долги в одночасье – проклятье, о таком я даже не мечтаю! Нет, так не годится.

– Тем не менее, – заявил Рул, подходя к своему письменному столу, – полагаю, вы должны сделать мне такое одолжение. Ваш арест за долги, да еще в тот самый момент, когда вы будете вручать мне руку своей сестры в браке, расстроил бы меня несказанно.

Виконт ухмыльнулся:

– Неужели? Ну, пока они еще не могут упрятать пэра за решетку. Разумеется, я сделаю так, как вы просите, но предупреждаю – я увяз довольно глубоко.

Рул окунул кончик пера в чернильницу.

– Если я выдам вам вексель на своих банкиров на пять тысяч? Или, скажем, округлим эту сумму до десяти?

Виконт настолько опешил, что даже выпрямился в кресле.

– Пять, – решительно заявил он. – Раз уж вы настаиваете, я не возражаю против того, чтобы остановиться на пяти тысячах, но отдать десять тысяч своре торговцев я не могу и не хочу. Проклятье, мои предки перевернулись бы в своих гробах!

Он смотрел, как перо Рула скользит по бумаге, и качал головой.

– В этом есть что-то нечестивое, – сказал он. – Ничего не имею против того, чтобы тратить денежки, но меня с души воротит, когда их выбрасывают на ветер! – Он вздохнул. – Знаете, Рул, я мог бы найти им лучшее применение.

Граф стряхнул песок с бумаги и протянул ему вексель.

– Почему-то я уверен, что вы не станете этого делать, Пелхэм, – сказал он.

Виконт изящно выгнул бровь.

– Вот так, значит? – пробормотал он. – Что ж, отлично! Но все равно мне это не нравится. Решительно не нравится.

Не понравилось это и его сестрам, когда они узнали о случившемся.

– Он дал тебе пять тысяч фунтов для оплаты долгов? – вскричала Шарлотта. – Никогда не слышала ни о чем подобном!

– И я тоже, – согласился Пелхэм. – Мне даже показалось, что старина повредился рассудком, но он выглядел вполне нормальным.

– Пел, думаю, ты мог бы и подождать, – с упреком сказала Элизабет. – Это… почти неприлично.

– И ты все спустишь за игорным столом, – добавила Шарлотта.

– Как бы не так, мисс! Много ты знаешь, – без обиды откликнулся виконт.

– Почему бы и н#нет? – напрямик поинтересовалась Горация. – Обычно т#так и б#бывает.

Брат одарил ее презрительным взглядом:

– Проклятье, Хорри, если человек дает тебе пять тысяч на оплату твоих долгов, то здесь больше не о чем говорить.

– Полагаю, – язвительно заметила Шарлотта, – лорд Рул пожелает увидеть твои оплаченные счета.

– Вот что я тебе скажу, Шарлотта, – заявил сестре виконт, – если ты не научишься держать язык за зубами, то никогда не выйдешь замуж.

В разговор поспешно вмешалась Элизабет:

– Этого хватит на все, Пел?

– Отгонит кровопийц на время, – ответил его милость и кивнул Горации. – Смею надеяться, он будет тебе хорошим мужем, но будь с ним осторожна, Хорри!

– А#а, – отмахнулась Горация, – ты ничего не п#понимаешь, П#Пел! Мы не станем вмешиваться в дела друг друга! Это б#будет французский брак по р#расчету.

– Я не хочу сказать, что такой расчет неудобен, – заявил виконт, глядя на выписанный графом вексель, – но послушай моего совета и не выкидывай никаких штучек с Рулом. Подозреваю, ты можешь сильно пожалеть об этом.

– У меня тоже такое чувство, – подхватила Элизабет, и в голосе ее прозвучали тревожные нотки.

– В#вздор! – провозгласила Горация, на которую их слова не произвели ни малейшего впечатления.

Глава 5

Свадьба графа Рула и мисс Горации Уинвуд прошла вполне пристойно, даже обыденно, и не сопровождалась шумными скандалами, как-то: арестом брата невесты за долги, сценой, устроенной любовницей жениха (на что надеялись самые рьяные), или чем-либо подобным. Граф прибыл вовремя, чем изрядно удивил всех, включая своего вымотанного до предела секретаря; невеста, похоже, пребывала в прекрасном расположении духа. Немедленно отыскались злые языки, утверждавшие, что ее настроение было даже слишком радужным для столь торжественного события. Внимательные наблюдатели не заметили, чтобы она пролила хотя бы слезинку. Однако подобный недостаток чувствительности с лихвой компенсировало поведение леди Уинвуд. Весь ее облик в точности соответствовал самым строгим правилам приличия. Опираясь на руку сына, она проплакала всю церемонию. Старшая мисс Уинвуд и мисс Шарлотта в роли подружек невесты выглядели восхитительно и вели себя соответственно; острые глазки мистера Уолпола не пропускали ни единой мелочи; леди Луиза Куэйн держалась с большим достоинством, но обратилась за помощью к своему носовому платочку, когда милорд взял руку Горации в свою; мистер Дрелинкурт надел новый парик, и на лице у него было написано смирение и покорность судьбе; виконт же сыграл свою роль с непринужденным изяществом.

Было решено, что после нескольких дней, проведенных в деревне, новобрачные отправятся в Париж – выбор места назначения в свадебном путешествии принадлежал невесте. Элизабет сочла его весьма странным для медового месяца, но Горация заявила:

– Фи! Мы совсем не похожи на тебя с Эдвардом и не с#собираемся заниматься любовью ц#целыми д#днями напролет! Я хочу посмотреть город, побывать в В#Версале и к#купить себе н#наряды п#получше тех, что носит Тереза Молфри!

По крайней мере, эта часть ее программы была выполнена в точности. Спустя шесть недель свежеиспеченная пара вернулась в Лондон, и один только багаж новобрачной, по слухам, занимал целый экипаж.

Бракосочетание младшей дочери стало чересчур тяжелым испытанием для хрупкой леди Уинвуд. Сильные эмоции и переживания вызвали у нее череду обмороков, а осознание того, что ее сын отпраздновал свадьбу сестры, поставив пятьдесят фунтов на гусиные бега в Гайд-парке, стало последней каплей, окончательно подорвавшей ее здоровье. В сопровождении двух оставшихся дочерей (с одной из которых, увы, ей вскоре тоже предстояло расстаться) она удалилась в родовое поместье Уинвудов, где и принялась укреплять расшатанное здоровье диетой из яиц, взбитых сливок и камфарной настойки опия, а также созерцанием брачного контракта.

Шарлотта, которая уже в самом начале жизни убедилась в бренности мирских удовольствий, заявила, что вполне удовлетворена сложившимся положением, а вот Элизабет, хотя и подумать не смела, чтобы противоречить бедной больной мамочке, предпочла бы оказаться в Лондоне к моменту возвращения Хорри из свадебного путешествия. И это при том, что мистер Херон, не слишком обремененный воинскими обязанностями, с удовольствием проводил бóльшую часть своего времени в родном доме, расположенном неподалеку от поместья Уинвудов.

Разумеется, Хорри приехала в Гемпшир, дабы навестить их, но она прибыла одна, без графа, каковое обстоятельство лишь усугубило беспокойство Элизабет. Она прикатила в собственной карете, подрессоренном экипаже с огромными колесами и роскошной обивкой голубого бархата; ее сопровождали горничная, два форейтора и несколько верховых грумов. Поначалу сестрам даже показалось, что она изменилась до неузнаваемости.

Очевидно, дни скромного муслина и дешевых шляпок безвозвратно канули в прошлое, потому что небесное создание, сидевшее в карете, было облачено в платье полосатого плетеного атласа поверх огромного обруча, а шляпу, лихо сидящую на темных кудрях, уложенных в прическу «а ля каприз», украшал пышный плюмаж.

– Боже милосердный, неужели это наша Хорри? – ахнула Шарлотта, неуверенно отступая на шаг.

Но вскоре стало ясно, что перемены, происшедшие с Хорри, коснулись лишь ее нарядов. Она едва дождалась, пока форейтор опустит ей лесенку, чтобы сойти на землю из кареты, и с разбегу бросилась в объятия Элизабет, не обращая ни малейшего внимания на безжалостно сминающийся жесткий шелк платья или сбитую на затылок невообразимую шляпу. Отпустив Элизабет, она тепло обняла Шарлотту, захлебываясь словами от восторга. О да, перед ними была прежняя Хорри, теперь в этом не было сомнения.

В поместье новобрачная провела всего одну ночь, что, как заметила Шарлотта, пришлось очень кстати для мамы, состояние здоровья которой все еще внушало слишком большие опасения, чтобы она могла легко переносить шум и суету.

Как прошел медовый месяц? О, просто великолепно! Только представьте, она побывала в Версале, где разговаривала с самой королевой, о которой говорят чистую правду, что она потрясающе красива и элегантна и потому задает тон моде. Видите, сейчас на ней туфельки *cheveux à la Reine*![42] А кого еще она там видела? О, да всех на свете! А какие там рауты, вечерние приемы и фейерверки на балу в Тюильри!

И только когда они улеглись в постели, у Элизабет появилась возможность пошептаться с сестрой наедине. Едва Горация увидела входящую в комнату сестру, как она отправила горничную восвояси, забралась с ногами на софу и, свернувшись клубочком, прижалась к Элизабет.

– Я так р#рада, что ты п#пришла, Л#Лиззи, – доверчиво пробормотала она. – Шарлотта ужасно не одобряет ни моего п#поведения, ни вида, верно?

Элизабет улыбнулась:

– Я уверена, что тебе в высшей степени все равно, одобряет она тебя или нет, Хорри.

– Ну, в общем, д#да. Зато мне очень хочется, чтобы ты поскорее в#вышла замуж, Л#Лиззи. Ты даже не п#представляешь, как это здорово!

– Мы надеемся, что теперь уже скоро. Но мама чувствует себя неважно, и я пока не загадываю наперед. А ты… ты-то счастлива, милая?

Горация энергично затрясла головой.

– О да! Вот только иногда я не могу отделаться от ч#чувства, будто украла М#Маркуса у тебя, Лиззи. Но ведь ты по-прежнему предпочитаешь Эдварда, не так ли?

– Да, – смеясь, ответила Элизабет. – Ты считаешь, что у меня дурной вкус?

– Что ж, п#признаюсь, я не п#понимаю тебя, – откровенно заявила Горация. – Но, п#пожалуй, это оттого, что ты не настолько любишь светский шик, к#как я. Л#Лиззи, пусть это дурно с м#моей стороны, но должна сказать тебе, что это очень здорово, когда можешь иметь все, что захочешь, и п#поступать соответственно.

– Пожалуй, – с некоторым сомнением согласилась мисс Уинвуд. – Наверное, ты права. – Она искоса взглянула на профиль Горации. – Лорд Рул… разве не мог он сопровождать тебя в этой поездке?

– Если н#на то п#пошло, – призналась Горация, – он бы поехал, вот только я х#хотела побыть с вами наедине, поэтому он и отказался от этой идеи.

– Понимаю, – сказала Элизабет. – Но разве тебе не кажется, милая, что вам было бы лучше приехать вдвоем?

---

[42] *Дословно:* волосы королевы (*фр.*) – насыщенный золотистый колер, изобретенный Марией Антуанеттой.

– О нет, что ты, – уверила ее Горация. – Он все понимает. И, как мне представляется, муж с женой, если они светские люди, почти ничего не делают вместе.

– Хорри, милая, – с трудом подбирая слова, заговорила мисс Уинвуд, – не хочу уподобляться Шарлотте, но я слыхала, что когда… когда их жены чрезмерно увлекаются светской жизнью… джентльмены иногда начинают искать развлечения на стороне.

– Я знаю, – с умудренным видом кивнула Горация. – Но, видишь ли, я пообещала, что не стану вмешиваться в дела Рула.

Беспокойство Элизабет ничуть не уменьшилось, но она не стала более говорить ничего. На следующий день Горация вернулась в город, и известия о ней Уинвуды получали посредством почты и «Лондон газетт». Письма ее, однако же, были не слишком содержательными, но было очевидно, что она от всей души наслаждается жизнью, полной светских событий и увеселений.

Элизабет получила более подробную весточку о сестре от мистера Херона, когда тому случилось в очередной раз навестить ее.

– Хорри? – переспросил мистер Херон. – Ну да, я видел ее, но уже довольно давно, любовь моя. Она прислала мне приглашение на прием у нее дома, который состоялся во вторник на прошлой неделе. Все было просто великолепно, но ты же знаешь, что я не любитель шумных празднеств. Тем не менее я побывал там, – добавил он. – Мне показалось, что Хорри была в ударе.

– Счастлива? – взволнованно поинтересовалась Элизабет.

– Вне всякого сомнения! Милорд тоже буквально лучился дружелюбием.

– Он выглядел… по нему было видно, что он увлечен ею? – продолжала расспросы Элизабет.

– Любовь моя, – рассудительно заметил мистер Херон, – вряд ли можно было ожидать, чтобы он открыто проявлял свои чувства на людях. Он был таким, как всегда. Разве что улыбался чуточку больше обычного, как мне показалось. Видишь ли, Хорри, похоже, произвела в городе настоящий фурор.

– О боже! – воскликнула мисс Уинвуд, обуреваемая самыми дурными предчувствиями. – Только бы она не натворила чего-нибудь! – Бросив взгляд на лицо мистера Херона, она вскричала: – Эдвард, ты что-то слышал! Умоляю, расскажи мне немедленно!

Мистер Херон поспешил успокоить ее:

– Нет-нет, ничего особенного, любовь моя. Просто до меня дошли слухи, что Хорри, кажется, унаследовала роковую страсть к игре. Но сейчас играют почти все, сама знаешь, – он пожал плечами с самым равнодушным видом.

Но мисс Уинвуд ничуть не успокоилась, да и неожиданный визит миссис Молфри, которая явилась в гости на следующей неделе, не развеял ее опасений.

Миссис Молфри остановилась в Басингстоке вместе со свекровью, а к Уинвудам прикатила утром, дабы засвидетельствовать свое почтение. И она изъяснялась куда как откровеннее мистера Херона. В гостиной она уселась в кресло лицом к софе, на которой возлежала леди Уинвуд, и, как впоследствии отметила Шарлотта, тому, что с нею не случилось припадка, мама была обязана собственной силе духа, а не заботе и предупредительности, каковые должна была проявить гостья.

Вскоре стало ясно, что визит миссис Молфри имел совершенно конкретную цель. Шарлотта, неизменно старавшаяся сохранять объективность, сказала:

– Готова биться об заклад, что Тереза попыталась взять Хорри под свое крылышко. Вы знаете, что она всегда действует исподтишка. Откровенно говоря, у меня язык не поворачивается винить Хорри за то, что она осадила ее, хотя я далека от того, чтобы оправдывать излишества Хорри. Горация, такое впечатление, стала притчей во языцех для Лондона.

Леди Уинвуд, услыхав об этом, самодовольно припомнила те дни, когда сама была некоронованной королевой высшего света.

– Королевой! – вскричала миссис Молфри. – Да, тетя, и в этом нет ничего удивительного, но Хорри далеко не красавица, и если она королева, о чем я еще не слышала, то совсем иного рода.

– Мы, например, считаем Хорри очень милой, Тереза, – с мягким укором заметила мисс Уинвуд.

– Конечно, милочка, но вы лица заинтересованные, как и я, кстати. Никто не любит Хорри больше меня, а я списываю ее поведение на детскую незрелость, можете не сомневаться.

– Мы прекрасно знаем, – заявила Шарлотта, напряженно сидевшая в кресле, словно аршин проглотила, – что наша Хорри совсем еще ребенок, но нам трудно поверить, что ее поведение может быть настолько достойным порицания, чтобы прибегать к оправданиям подобного рода.

Пристыженно выслушав столь суровую отповедь, миссис Молфри принялась бесцельно перебирать завязки своего ридикюля, после чего с неуверенным смешком заметила:

– О, конечно, дорогая моя! Но я собственными глазами видела, как Хорри сорвала с руки браслет во время вечеринки с картами у леди Доллаби – жемчуга и бриллианты, потрясающая штучка! – и швырнула его на стол, чтобы сделать ставку, потому что все деньги к тому времени она уже проиграла. Только представьте себе: джентльмены, вечно такие безрассудные, да к тому же несколько человек принялись подзадоривать ее, ставя перстни и заколки для волос против ее браслета, и все остальное в том же духе.

– Пожалуй, Хорри поступила не слишком умно, – сказала Элизабет. – Но я не думаю, что случилось нечто столь уж из ряда вон выходящее.

– Должна заметить, – заявила Шарлотта, – что питаю глубочайшее отвращение к азартным играм в любом их виде.

Совершенно неожиданно в разговор вступила леди Уинвуд.

– Азартные игры всегда были нашим слабым местом, – заметила она. – Ваш отец питал к ним нездоровое пристрастие в любом виде. Да и сама я, когда здоровье позволяет, с большим удовольствием играю в карты. У меня сохранились самые теплые воспоминания о тех чудесных вечерах в Ганнерсбери, когда мы играли в серебряного фараона с принцессой. И мистер Уолпол тоже был с нами! Мне не нравится твое предубеждение, Шарлотта: это невежливо по отношению к памяти вашего отца, вот что я тебе скажу. А сейчас азартные игры снова в моде, к чему я отношусь вполне одобрительно. Но я должна сказать, что удача никогда не была на стороне Уинвудов. И не говори мне, что это злой рок теперь преследует мою маленькую Горацию, Тереза! Она проиграла браслет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.